

Вера Огнева

Кольца Джудекки

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вера Огнева
Кольца Джудекки

«ЛитРес: Самиздат»

2003

Огнева В. Е.

Кольца Джудекки / В. Е. Огнева — «ЛитРес: Самиздат», 2003

Согласно статистическим данным тридцатилетней давности, на территории Советского союза ежегодно пропадало бесследно около семнадцати тысяч человек. На сегодняшний день эта цифра для России выросла до ста двадцати тысяч. В Англии по некоторым данным ежегодно пропадает более двухсот тысяч человек. Ну, с Россией понятно - много тут лесов, полей и рек, а в крохотном островном государстве-то куда пропадать? Или они там, как лемминги собираются в стаи, идут к океану и топятся? Содержит нецензурную брань.

© Огнева В. Е., 2003

© ЛитРес: Самиздат, 2003

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	27
Глава 3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	52

На мосту Илья всегда прибавлял шагу, стараясь быстрее проскочить неприятный участок. Люди шли себе спокойно и внимания не обращали на низенькое ограждение – как раз перевернуться на ту сторону и уйти головой в мутную, вспучивающуюся холодными пузырями бездну. А он торопился. Мелькали тускло-голубые пыльные столбики перил. Какой-нибудь праздный созерцатель, непременно вызывал суицидальные ассоциации. Раз или два в год сюда забредали настоящие самоубийцы. Все остальные мосты в черте города имели высокие перила. Намучаешься, пока перелезешь, а там глядь, порыв прошел, корячься назад, аккуратно в руки набежавшей полиции. Этот же мост проектировал либо полный дурак, либо провокатор.

Сегодня Илья шел медленно. Под ногами хороводились фантики и обертки всех пород, резинки жевательной и резинки иного назначения. Тарахтели под порывами ветра коробки и сплюснутые банки из-под пива. К обочине под тротуар набило уже целый слой. Если он под напором времени сложится в археологическую страту, в будущем по нему легко угадают, как тут жили-поживали, пили, ели, любили.

Нет, пожалуй, «любить» – термин из прошлого или даже позапрошлого века. Сейчас говорят: «заниматься любовью». Очень правильно говорят. Любовь – это когда ожидание, постижение, сопротивление... потом бы радость еще пережить или разочарование. А заниматься любовью – это как урок: отзанимался и забыл. А если не очень тянет, можно и прогулять.

Возраст, наверное. Вон же стоят, целуются, расцепиться не могут. А когда ты в последний раз целовал женщину на мосту, да еще на закате? Прыщавый влюбленный девушку, между прочим, уже так перегнул, не опрокинулись бы.

Все же оно – великая сила, даже если ты случайный наблюдатель. Немного отпустило. Скопившаяся в душе мусорная куча, стала меньше, подравнялась, пышности в ней поубавилось. Так глядишь, утрясется, осядет и тоже превратится в культурный слой.

Илья огляделся. Просто так, от слабо проклюнувшегося любопытства. Лучше бы не смотрел. Лица с одним на всех выражением усталой настороженности – что у алкаша, что у подростка. Женщина мазнула перламутровым взглядом. Нехороший взгляд. Только зазевайся, и на тебя уже идет охота – ноги бы унести.

Что потянуло на женские взгляды – хорошо – верный признак выхода из стресса /тупика, пике, кризиса/. Собственно, какой там кризис? Разве – среднего возраста. Это, когда очередной развод прошел как бы мимо, почти не зацепил, а рядовой скандал с молодым главным, начавшийся со снисходительной лесты, а завершившийся скрытой угрозой, выбил из колеи на полдня.

Еще Пронкин умер. Должен был умереть. Там нечем было жить. Умирал долго, по частям, пока не замерло, остановилось, остыло, перестало дышать и двигаться. Пока не оборвалась тонюсенькая, связующая с бытием ниточка, за которую тащил его ОТТУДА Илья. Родственники, разумеется, в ярости. Как же так! Полгода ухаживали. Врачи – вредители... Теперь жди жалобы. Ну, да не в первой. Но все равно – скверно. От того, что умер, хоть и жить было нечем.

Перила кончились. Щербатый тротуар сбежал с моста, оборвался перед «зеброй», а за переходом свернул в узкий каменный переулок. Еще чуть-чуть и – дома. Пусто, тихо. Холодный уют, покинутого ненужной женщиной очага. И ладно. Перемельется. Переживания на данный момент связаны не с фактом распада семьи, а с тем, что надежда на счастливый союз, тает. Почти растаяла. Возраст, а что еще? И пришедшая с ним, пустая житейская мудрость.

Илья свернул в узкий проезд-коридор, щелившийся между домами – двум машинам не разъехаться. Тут недавно меняли покрытие. Под ногами тянулась серая, проложенная вплотную к стенам, полоса асфальта, по сторонам – глухие без окон стены, а на высоте шести этажей – еще одна серая полоса – небо.

Сзади загрохотало, забилося многократно отраженное от стен эхо зиловского движка. Илья вжался в стену. Так не зацепит. А если зацепит? По позвоночнику продрало холодом. Приходилось, знаете ли, видеть...

Впереди мелькнуло и закрыло свет. Илья распластался по стене, беспомощно наблюдая, как к нему с обеих сторон приближаются, не сбавляя скорости две машины.

Его накрыли грохот и волна жара. Как в замедленной съемке надвинулся борт ЗИЛа. У самых ног, проворачиваясь, визжало колесо. Подножка метила, расплющить колени.

Страха не случилось. Не успелось...

Все?

Все!!!

Сейчас!

...

Но шероховатая стена, в которую вжимался Илья, вдруг потеряла неумолимую, смертельную плотность. Она уже не выталкивала под визжащее колесо, под удар стальной подножки. Стена его втягивала.

Последним проблеском сознания явился туманный коридор, перегороженный вдалеке бортом грузовика.

Прибывший на место аварии наряд ГИБДД, обнаружил лобовое столкновение двух машин. С обеих сторон движение ограничивали запрещающие знаки. Впрочем, водитель ЗИЛа, принадлежащего коммунальному хозяйству района, имел право въезда. Пострадал он не сильно: множественные порезы от разлетевшегося стекла, вывих плеча да сломанные ребра. Перепуг, конечно, плюс запах перегара с примесью свежака. Водитель Ауди: Аскар-ов Вахид Омар-оглы – невменяем. Зрачки узкие, сознание спутанное. На локтевых сгибах "дорожки" от инъекций. Пассажи скончались на месте от черепно-мозговой травмы.

После того как с большими техническими трудностями обе машины были извлечены из переулка, среди кусков штукатурки и железного лома обнаружен кейс с медицинскими документами. Как-то: истории болезни в количестве трех штук; записная книжка, с вложенной в нее карточкой профсоюза медицинских работников на имя Донковича Ильи Николаевича сорока четырех лет; медицинский страховой полис на то же имя. Кроме того, в кейсе обнаружены сигареты "Данхил", зажигалка одноразовая, карандаш.

Откуда взялся кейс не установлено. Водители обеих машин, допрошенные в последствии, заявили, что никого в переулке не видели. По месту работы и по месту жительства владелец кейса, Донкович И.Н. 44 лет, не обнаружен. Возбуждено уголовное дело по факту исчезновения человека.

Глава 1

После сна остается память о сновидении. После потери сознание – ощущение, пережитой дурноты. Даже после глубокого наркоза остаются какие-то воспоминания. В любом случае сохраняется протяженность времени, непрерывность бытия.

Сейчас не было ничего. Пунктиром: реальность – разрыв – реальность. Мысль начала работать с многоочия, поставленного в смертельном коридоре:

«Все? Все! Все...»

Оказывается, не все!

Лежать было неудобно. Рука подвернулась и онемела. Одеревенели мышцы. Когда Илья попытался шевельнуться, забегали мурашки.

Хорошо в народе говорится: "мурашки". Когда вывалился из полной неподвижности, из смерти, /смерти?!/ или полусмерти и только-только начал оживать, почувствоваться... а тут – мурашки. И ты уже не один. А лежит он, сообразил Илья, не на постели, не в родной, например, реанимации БСМП, да и ни в какой другой, похоже. Под щекой – холодная каменная поверхность, припорошенная мусором, да гладкие сучки-палочки. Они такими становятся, когда долго пребывают на воздухе. Кора сходит, остается почти лаковая серая без пор древесина.

Категорически не хотелось открывать глаза. Илья вытянул полу-онемевшей рукой сучек из-под щеки, смахнув заодно пыль-мусор, погладил камень. Мрамор? Что за место?

Он начал мучительно соображать, где мог очутиться. Не на могильной же плите прикорнул ненароком. Вспомнил, что похожими плитами выложена площадка перед памятником Павшим Борцам Революции на центральной площади. Вспомнил, и плотнее прижмурившись, начал выстраивать логическую цепочку.

Предположим, что столкновение машин возле бедолаги прохожего, прошло для одного более чем счастливо – остался жив. Ну, стресс конечно, транс. Как дошел до площади – идти то всего ничего – не помнит. Дошел. Даже до памятника дотянул. Но оказалось, полученное во время аварии сотрясение мозга – вырубился. И лежит он теперь сам как павший боец под бетонным революционером с бетонным же стягом в руках.

Однако место вы себе, Илья Николаевич, выбрали не самое спокойное.

Не так давно радетели за веру, царя и отечество, пользуясь многолетней контрреволюцией, отспорили себе пяточок на этой площади. Там раньше стоял монумент Железному Феликсу. Несгибаемого бойца снесли волной народного гнева, а на его постаменте, плечом к плечу встали последние защитники монархии. Красивые, волевые, печальные. Только погоны на взгляд Ильи – великоваты

На том краю площади собирались красно-коричневые, на этом – бело-коричневые. Задача мэрии сводилась к разруливанию, дабы две эти массы никогда не соприкасались, как между собой, так и с многоцветными, которые тоже норовили оттягать себе уголок для гейтусовок.

Пока Илья размышлял весь организм успел очнуться. Даже мурашки ушли. Однако человек не торопился вставать. Хуже того – глаз не хотел открывать. Внутри, под слоем случайных, лихорадочно мыслей уже зрело. Почти созрело. Ерничая, он только пытался отодвинуть момент истины.

Никакого памятника над ним, скорее всего и нет. Не похоже место нынешнего пребывания Ильи Николаевича Донковича на центральную площадь, либо вымер миллионный город. Не слышно шума машин, человеческих голосов тоже не слышно. Уже ночь? Ни черта! Сквозь плотно зажмуренные веки пробивался свет. И тепло. Очень тепло. В конце октября так не бывает. Рубашка и даже кожаная куртка прилипли к телу. Вегетативная реакция – попытался

спасти Илья. И сам себе жестоко отказал: как же! Жарко только сверху, снизу – мерзнет. Оно все же мрамор.

Сверху зашелестело. Высоко над головой в кроне дерева запутался ветерок. Но над мраморными плитами, у памятника Борцам – ни одного листочка, только официозные голубые ели далеко по периметру.

И сопит кто-то живой рядом. Сопит и кожей поскрипывает.

Илье вдруг стало нестерпимо страшно. Сознание одномоментно и неудержимо ухнуло в ужас, в тошнотворную жуть на грани умопомрачения. А набатный глас внутри повторял и повторял:

«Все! Значит – все! Свершилось... На ТОЙ СТОРОНЕ, значит, тоже – есть!»!

Что есть? Мрамор? Солнечный свет? Мусор под пальцами?

Интеллект сугубого материалиста засбоил. Оно и понятно, Илья в жизни не встречал никаких мистических, либо трансцендентальных заморочек; не верил ни гадалкам, ни колдунам-экстрасенсам, ни чокнутым уфологам. Однако, руки-то шупали, ухо-то слышало. А в голове оно не укладывалось.

Пора было открывать глаза.

Еще чуть-чуть. Еще капельку. Как в детстве, когда не дали доспать, когда подняли, а ты еще ловишь ускользающий, такой хороший сон.

Еще капельку...

Над ним вяло шевелились узкие, заостренные, зубчатые по краям листья. Южного вида дерево широко раскинуло густую темную крону. Выше – белесое небо. Плотные, без прорех, слоистые облака застили солнце. Густой влажный воздух с привкусом большой воды давил жарой.

Лучше бы так и пялился в небо. Одного взгляда хватило, чтобы в панике бумкнуть лбом о мрамор. За бортиком обширной каменной лохани, в которой лежал Илья, бугрилась гладкими горбушками старая брусчатка. Круглую площадь замыкал ряд неровных в три, четыре этажа строений, торчавших как гнилые зубы в ощеренном рту. Никаких архитектурных изысков, просто коробки с черными окнами без переплетов и стекол. И с первого взгляда понятно: не родные. В том смысле, что вообще чужие.

Он – по ТУ сторону?

Не может быть! Там кущи и херувимы, либо сковорода, огонь и рогатый истопник.

Ага! Это кто сказал? Кто вернулся? Выдумали, попугать себя и других, либо обнадежить, а оно – вот оно: небо, воздух, дерево, дома. И все чужое. Чуждое. Воздух, небо, дома и херувим в широких кожаных штанах и такой же безрукавке на голое тело. Байкер? Бородища венником. На голове – плоская железная кастрюлька. В руках палка... Господи помоги! Это копые.

За спиной вертикально стояла гладкая, вся в коричневых прожилках плита, посередине которой, торчал зеленый от древности, медный рожок водослива. Венгрия, Будапешт, Пост Аквинкум, старый римский колодец? Рука сама потянулась. Под пальцами оказался все тот же прохладный мрамор, припорошенный серой пылью.

Так бы и лежать, а еще лучше опять прижмурится и не глядеть, не ощущать, не осознавать, отгородится. Но над головой прогудело:

– Да че же вы все каменюку шупаете? Нет, чтобы сразу спросить: где мол, что мол? Нет, каменюку лапают, будто она ответит. Однако вставай, добрый человек, на спрос пойдём. Тока ты не беги. А то бывает, подхватится проявленец и бежать. А че у нас бегать? Некуда тут. Попадешь в Игнатовку, или хуже того, в Крюковку. А там – ой-ей! У нас спрашивают, да отпустят. А там...

Байкер-металлист гудел спокойно, даже участливо: мы, мол, тут живем, добрый человек, и ты жить будешь.

Раздвоившись сознанием на созерцание древнеримского артефакта и вербальный контакт, Илья чуть успокоился и решил обернуться.

Хрена вам – байкер! Кольчужник. На куртке кованые бляхи, в руках копье. Бородища до глаз. Глазки маленькие, хитроватые, но сочувственные

– Где я? – язык заплетался, руки, на которые попытался опереться, дрожали.

Илья на всякий случай привалился к плите, после чего, повторил более внятно:

– Где я?

– Город Дит.

– Тот самый?

– Тот не тот, не ведаю. Называется так. А что, почему – неизвестно. Назвали и ладно. Ты иди-то можешь? А то некоторые с увечьями пребывают. Рука, там, нога, голова...

Илья ощупал себя. Вроде ничего не болит. А как же борт грузовика? Всмятку должен был растереть, в кровавый мазок по штукатурке. Однако, голова, руки, ноги на месте. Он пополз вверх, опираясь спиной о камень. Ноги тряслись позорно-крупной дрожью. Прошло некоторое время, пока он на них утвердился. Но при попытке шагнуть, носок ботинка зацепился за поребрик. Илья кувырком пришел на грудь широкому как плетень «байкеру». В нос шибануло запахом кожи, мочи, пота, земли и тины.

Вместе с запахом опять накатила дурнота. До мельтешения в глазах, попросту от невозможности всего происходящего. Только минуту, мгновение назад была слегка опостылевшая, но такая привычная нормальная жизнь. Грузовик-убийца сейчас показался Илье роднее человека, пахнущего землей и тиной.

Рывок оказался настолько неожиданным и сильным, что страж сплоховал: споткнулся, разжал руки и упустил.

Илья побежал. Замелькали дома. Стена сменилась тусклым просветом. Он юркнул в переулок, надал. И опять стены, темные провалы, окна, двери... поворот, еще поворот. Бешено колотящееся сердце, отбивало ритм ногам. Легкие хрипели на пределе. Вдох, вдох, еще вдох...

Тупик! Илью окружали стены из грубого камня. Слева чернел старыми досками притвор. Последним усилием задыхающийся человек, кинул себя на дверь и распластался бабочкой.

А за спиной уже одышливо сипел страж. Не сразу нагнал. Трудно гоняться плотному коротышке за длинноногим жердястым Ильей.

Когда гипоксическая чернота рассеялась, взгляд наткнулся на шляпку гвоздя – широкую, без обязательного рифленого следа промышленного штампа. Рядом еще один. Ковали вручную. Илья потрогал. Железо, оно и есть железо. И не оборачиваясь, задал свой самый главный вопрос:

– Я в Аду?

– Эк, куда хватил! – Преследователь повеселел, заперхал. – Ить почти все про Ад-то спрашивают. Да ты не стой, садись вон на приступочку. Бежать-то больше не будешь?

Илья мотнул головой.

– А и не надо. Возьмем заречную Игнатовку или остров Крюковку. Говорил я уже про них. Только там много хуже, чем у нас.

– Ты погоди, – перебил Илья стражника, который устроился рядышком на каменной колоде. – Город ваш где? Где находится?

– На земле. А как звать не знаю.

– Кто-нибудь знает?

– Неа.

– Сам ты как сюда попал?

Стражник крикнул, помолчал. Илья сторбился, в ожидании ответа.

– Мы с отцом в Полоцк шли. Две подводы, людишек человек десять, может больше, не помню уже. Замешкались на болоте. Гать там. Я в сторону от торной дороги отошел. Оборачиваюсь и будто издали вижу, люди мелкие как мураши копошатся. На меня никто не смотрит. Потом пропали. А я тут оказался. Ровно помер и воскрес. Сначала тоже помстилось: в подземном царстве, у Трехглавого. Ан, нет! Солнце светит. У Трехглавого какое солнце? Деревья хоть и не наши, а головами вверх растут. Люди как люди, только разные.

– У вас одинаковые были? – машинально спросил Илья.

– Не так. И у нас конечно: поляне, древляне, полочане, печера, весь, чухна белоглазая. Здесь по-другому. Друг друга не понимают. И у нас полянин с хазарином не сговорятся. Так толмача найдут. А здесь речь вроде понятна... а не понятна.

Господи! Что за морок навел, Ты, на несчастного раба своего? Понимают, не понимают... а ведь и я не понимаю! То есть каждое слово по отдельности – да. А смысл ускользает.

Следующий вопрос вылетел по инерции:

– Правил у вас кто? Царь, князь, исправник? Армия? Законы?

– Не ведаю что такое армия. А правила: в Киеве Аскольд, в веси у нас отец мой, в Новгороде – не помню. Там только-только нового посадника крикнули.

Перед Ильей разворачивалась четкая и занимательная как рисунок душевнобольного картина – масса продуманных деталей и полный смысловой абсурд. Дохристианская Русь! Аскольд и Дир, Рюрик где-то на подходе. Вещий Олег отместил неразумным хазарам... а тут я к ним. И что с этим со всем теперь прикажете, делать?!

Жить, робко трепыхнулось тело. Нет! завопил, плавающий от напряжения мозг. Только вот час назад фантики от презервативов в глаза лезли, тинэйджеры на мосту целовались.

Бежать! Бежать...

В неведомую Игнатовку? В Крюковку?

К старому римскому колодцу! Разлететься о камень, долбануть головой холодную твердь: пусти обратно, под удар бампера.

– Вернуться, как? – едва выговорил Илья онемевшими губами.

– На площадь?

– Нет. Туда, откуда пришел.

– Не получится. Камень-то, на котором человек проявляется, даже своротить пытались. Ничего за ним нет. Раньше водяная жила была, да высохла. Не раз его ворочали. Городской совет так приговорил: к камню стражу приставить, чтобы, значит, не допускать разора. То есть, не городской совет, конечно, а нашей слободы.

– Игнатовка, Крюковка. А ваша, как называется?

– Название, эва, много раз менялось. Борисовкой, Пучиной, помню звали, Скуратовкой, потом Томазовкой, Симоновкой, потом много еще как. Однава Ленскими горами нарекли.

– Может Ленинскими?

– Ага, ага. Дитлаг был. Еще Эль... не выговорю.

– Сейчас-то как зовется?

– Решили по имени слободского головы название давать. Стало быт сейчас – Алмазовка.

За разговором жуть и темная душная пелена немного отпустили. Слегка понужаемый стражем, Илья поднялся. Они двинулись в сторону площади, с которой началась жизнь Донковича /если оно – жизнь/ в городе Дите.

Площадь, по трезвом рассмотрении, оказалась совсем маленькой. Посередине пыльным монументом торчал колодец, в плиты которого стучи, не стучи – бес толку.

Они свернули в широкий пролом между домами, за которым начинались щели и повороты. Улочки петляли и загибались до ощущения, будто топчешься на одном месте. Илья уже решил, что его специально морочат, когда очередной переулочек вывел к перекрестку. Та же

брусчатка, тот же скучный городской ландшафт. Но здесь наличествовали люди. Илья остановился. За ним встал страж:

– Осмотрись маленько, только близко не подходи.

– Нельзя?

– В карантине, – слово «байкер» выговорил тщательно как иностранное, непонятное и важное, – отсидишь, тогда – да. Тогда – пожалуйста, путешествуй, где тебе вздумается. Можешь даже к соседям податься. Тока плохо у них.

Что там за соседи и плохо ли, хорошо ли живут, Илью пока не очень занимало. Он устал, будто в горку, отдышался маленько и спросил:

– Карантин для чего?

– Однав чуть город не вымер. Проявился, стало быть, человек с купырьями. Я как раз его принимал. Пока он от меня бегал – а и все бегают – пока ловили, да не враз поймали, он через мост в Игнатовку сиганул и в развалины ушел. А когда нагнали, он возьми и помри у нас на руках. Дохтур прежний сказывал, что он и бегал-то в беспамятстве. И пошло. Больше полгорода вымерло. С того и повелось, проявленца в карантин сажать.

– Сам-то ты не заболел?

– Заболел. Отлежался. Нас таких по-пальцам перечесть можно. Теперь только мы у колодцев дежуриим.

– Жалование получаешь? – Донкович слушал, с более чем оправданным, интересом.

– Ага. И жена отдельная. Оружие, опять же.

Замечание про жену несколько обескуражило, но расспрашивать Илья не стал. Факт лег отдельным камешком в не складывающуюся пока мозаику местных нравов.

Держась ближе к домам, они обогнули невеликое пространство площади. По середине раскорячилось толстостенное каменное сооружение – нечто среднее между запущенным городским фонтаном и поилкой для скота. Неопределенного возраста и социального положения женщина, перевесившись через бортик, стирала белье. Рядом сидел мужчина в невероятных обносках, по виду – типичный бомж. Он опустил до невозможности грязные ноги в воду и прижмурился, подставив морщинистое лицо, невидимому солнцу. На женщину бич не обращал никакого внимания, впрочем, как и она на него. Напротив, молчаливой парочки, с уха-ньем и приговорками плескался восточного вида мужчина весь курчавый как женский лобок. К пробиравшимся под стеной Илье и стражнику группа не проявила никакого интереса.

– А почему у сухого колодца, ну там где я... проявился, людей не видно?

– Не селятся. Не хотят. Зараза там сильно погуляла. Дома выжигать пришлось. Да и Сытый Туман рядом. Ушли оттуда люди.

За разговором они миновали открытое пространство и опять углубились в лабиринт переулков, где уже явно и по нарастающей присутствовали следы человеческой жизнедеятельности. Через улочку от дома к дому тянулись веревки, а то и перильца, с висевшими на них, неопрятного вида тряпками, циновками, похожими на водоросли лентами. На одной из веревок болталась целая рубаха. Илья присмотрелся. Материал незнакомый, на вид рогожа, но белая как снег. Нечто похожее он видел в Каирском институте папируса. Но там лист, изготовленный по всем правилам древнего папирусоделия, звенел от сухой жесткости и по цвету напоминал свежую солому. Балахон же тряпично шевелился под ветерком. Илья хотел потрогать. Стражник придержал:

– Нельзя.

– Прости, забыл. Не пойму, что это такое.

– Осока местная. В верховьях речки растет. Вернулся оттуда кто-то. Только там такую одежду выделывают. – И себе под нос, в задумчивости, – Надо же, вернулся. Или посылку передали?

Дальше некоторое время пробирались молчком, пока Илью не начали распирать новые вопросы:

- Сколько ты тут живешь?
- Кто ж знает? В возраст здесь уже вошел.
- А какой год у вас на дворе?
- Не считают тута годов.

Примолкни. Помолчи. Не распускай язык. Дай равнодушию, пропитавшему все вокруг, захватить и тебя. Успокойся. Так как, по большому счету, находишься ты, Илюша, на ТОМ СВЕТЕ. И переваривай себе, пожалуйста, полученную информацию особо не вдаваясь. Желательно, конечно, не рехнуться в самом начале, ум сохранить и душевные силы. И то, и другое ой как еще пригодится. Взять, хотя бы, состояние некоторой отрешенности в окружающих. Сколько Илья ни крутил головой по сторонам, ответного интереса не заметил.

А дома сейчас скучный вечер... телевизор поганые новости гонит... По виду местных палестин до техники тут еще не додумались. И страж косноязыкий попался, ничего от него толком не добьешься. Но вопрос Илья таки задал:

- У вас все по-русски говорят? Или есть другие языки? Лингва, мова, лэнгвидж...
  - Да понял я. На каком кому нравится, на том и разговаривает. Есть, которые так и не научатся по-людски. Тараторят по-своему.
  - А основной язык, государственный?
  - У нас в слободе – как мы с тобой говорят. В Игнатовке шпанцев много. Там: донде, сьемпре, амиго, трабахо. В Крюковке же, тьфу – по фене.
  - Как? – опешил Илья.
  - Язык у них так называется. И понятно вроде, да уж больно срамно.
- За разговором, как оказалось – пришли.
- Видишь притвор, где доски черные с клепками? – ткнул стражник в сторону боковой двери. – Не перепутай, в белый не сунься.

Илья взялся за тяжелое медное кольцо. Оно мягко провернулось, и дверь, не скрипнув, подалась. Из темного мрака пахнуло холодком, застоявшейся подвальной сыростью и водорослями.

Проводник слегка подтолкнул в спину. Илья шагнул. Страж протиснулся следом, потянул притвор на себя; тот мягко чмокнув, встал на место.

– Стой тут. Я доложу. Не ходи никуда. Придут за тобой. Только... – стражник замялся. – Не ерепенься, если что. Тута всяко бывает. Стерпи.

И канул в темноту.

Со света помещение показалось черной ямой. Только чуть погода проступили углы, потолок, основание лестницы. Откуда-то сверху проникал серый свет. Илья потрогал дверь. Ручки или кольца с этой стороны не нашлось. Только короткая скоба. Подергал – не поддается. Так и остался стоять, переминаясь с ноги на ногу, в темноте и в сутолоке мыслей.

Оно потом конечно накроет. Железный Илья потом еще согнется, скрутится в спазме отчаяния. Или здешняя жизнь, /если оно жизнь/ покажется нормальной, приемлемой, милой? Ни хрена! Это все равно, что оторвать кусок плоти, положить его в лоток и смотреть: оживет, не оживет, зашевелится, не зашевелится.

Чтобы переключиться Илья зажмурил глаза. Перед внутренним взором поплыли лица коллег. Завтра на работе хватятся... Поганкин, по паспорту Головин, – зло съехидничает по случаю. Не любит Ильи. И не надо. Но отсюда даже его противная во всех отношения физиономия показалась родной. Проплыла и канула. Так вот будешь потом собирать по крупичам разные мелочи. И то, что вызывало раздражение и неприятие, из твоего далека станет роднее родного.

За что? Прорвался пустой вопрос. У кого спрашивать? У ТОГО? – невидящий взгляд к темному потолку. А Он, скорее всего, непричем. Происшедшее не похоже на мистический акт, скорее на неведомый физический эффект.

Так и положим. На том и успокоимся. Смерть, в конце концов, тоже просто физиологический акт. А за ним, как оказалось, Алмазовка. До нее были Ленинские Горы – это же с ума сойти можно! Дитлаг – понятно каждому. Алмазовка, однако! Это кого же так обозвали? Или, фамилия?

Илья почувствовал, что темное ожидание задавило до истерики. Еще чуть и начнет на стены кидаться, рванет вверх по лестнице. Кто там его дожидается? Дракон-людоед? Пес о семи головах? Да хоть черт с вилами!!!

Спасение процокало подкованными каблуками по лестнице и явилось с факелом в руках в момент крайнего отчаяния. Перед, готовым уже заметаться Ильей, встал молодец, удивив, настроившегося на дохристианскую эстетику человека, галифе и гимнастерочкой. Скрипели ремни португеи. Одежка, разве, чуть отдавала киношным реквизитом. Будто в подвале собрались снимать фильм из довоенной поры.

Темно и нервно, но легкую истеричку в парне Илья таки углядел и тут же насторожился.

Тот сунул факел к самому его лицу и прокомандовал высоким резким голосом:

– Проявленец! Двигаться за мной на расстоянии пяти ступеней. Ближе – наказание от общественных до очистных. Попытаешься напасть, получишь пулю.

Вестник вытащил из кобуры антикварный парабеллум. Илья отшатнулся. Довольный произведенным эффектом парень развернулся на каблуках и побежал вверх. Не торопясь, главным образом, чтобы не оступиться, Илья пошел следом. Что не спешил – правильно, шагай он быстрее, обязательно налетел бы на вестника. Тот притаился за поворотом лестничного марша. Илья встал, не доходя положенных пят ступеней. Вестник, сильно прищурившись, протянул:

– Умный, да? Давай шевелись. Отстаешь!

Совсем дико. И странно. Один – добрый, другой – злой. Зачем? Илья внутренне подобрался, мало ли какие изыски местного правосудия ожидают впереди.

Шесть пролетов – третий этаж. Провожатый пропустил Илью в просторный, сводчатый зал без окон, углы которого тонули в густой тени. Толстая решетка делила помещение надвое. Илье предстояло пройти в узкую низенькую дверцу. Пролез, сложившись почти пополам. Интересно, такая дверь – разумная предосторожность или издевательство? Пока размышлял, за спиной лязгнуло – заперли проявленца. Провожатый ушел куда-то и факел унес. Ни черта не разглядеть. Ясно только что за решеткой он не один. Лихорадочно блеснули из угла чьи-то глаза. Человек /если то человек/полулежал, привалившись к стене. Илья отвернулся и замер, напрягая слух. В углу затаились. Стрессовый мысленный сумбур начал отпускать. Сознание переключилось на текущие проблемы. За спиной незнамо кто, а значит, вам, Илья Николаевич, не о чудовищных физических абберациях надобно думать, не о провалах пространственно-временного континуума – хрен с ним с мирозданием, вывернувшимся наизнанку – а надобно вам быть начеку, чтобы никто сзади не подкрался и не саданул по затылку. Город Дит все-таки.

Решетка, как в американских фильмах. По сю сторону – стражи порядка и прочие положительный герои, по ту – людоед. Можно сказать, провидческая сцена вспомнилась. В том смысле, что у нас по эту сторону – я – нормальный, законопослушный гражданин, по ту – от доброго волшебника, до того же людоеда. Руки сами потянулись к прутьям. Герой вестерна, блин!

– Отойди от решетки на три шага, – велел невидимый баритон из темноты с той стороны. Не зло прозвучало, но с некоторым хамским напором. Илья не шевельнулся.

– Счет знаешь? – тот же голос.

Привыкшие к темноте глаза рассмотрели длинный стол у противоположной стены. Сидели за ним трое. Трибунал? Тройка, особое совещание? Не иначе генетическая память

подтолкнула к совсем ненужному сейчас, иррациональному упрямству. Просто, от нежелания уступать чужому давлению.

– Молчание карается наказанием от общественных до очистных, – солидно пробасил другой голос. Его обладатель сидел справа от председателя Трибунала.

– Ты счет знаешь? – повторил свой вопрос председатель.

– Знаю.

Нечего ерепениться, – одернул себя Илья. В чужом монастыре...

Голоса забубнили, до Ильи доносились только обрывки слов, но через некоторое время о нем вспомнили.

– Отвечай: не разговаривал ли ты, не лобызался ли...и другие контакты... – читал по бумажке председатель, – ...по дороге от места проявления; не заходил ли в жилища?

– Говорил со стражником, – покладисто ответил Илья.

– С ним – можно, – объявил бас.

– Имеешь ли болезни, увечья, недостачу руки или ноги? Имеешь ли при себе оружие?

– Нет.

– Отвечай по пунктам!

– Нет. Нет. Нет.

– Непочтение к трибуналу карается наказанием от общественных до очистных, – на всякий случай предупредил председатель.

– Позволю напомнить, коллега, – влез из темноты слева визгливый голос, – Я неоднократно вносил предложение, заменить очистные работы отправкой в отряды.

– Тебе дай волю, всю слободу за Кукуй загонишь, – отозвался председатель.

– Избавьте меня от вашей архаики! Кукуй!

Перебранка, на некоторое время отвлекла от допроса, но, в конце концов, выдохлась. Из темноты прохрипел бас:

– Уразумел, проявленец?

– Нет, – честно признался Илья.

– Ладно, потом растолкуем. Обзовись.

– Вам как, с должностью, титулами, званиями или имени достаточно?

– Ишь ты, с титулом! – несколько оживился и даже чуть помягчал голос председателя, – Титулы у нас не обязательны. Но упомянуть, стоит.

– Протестую! – влез левый заседатель. – Титулы были отменены к употреблению декретом народных комиссаров в одна тысяча девятьсот...

– Да уймись, ты! Комиссар недорезанный. Не знаю я никакого совета, и года такого не было! – председателев баритон звенел раздражением.

– Было! Было!

– НЕ БЫ ЛЮ !!!

Об Илье опять забыли. Но свару перекрыл бас:

– Прозвание пусть сообщит. ТАМ, – многозначительная пауза, – разберутся.

Спорщики враз притихли

– Зовут как? – председатель придвинул к себе лист, умакнул перо в чернильницу. Все честь по чести.

– Донкович Илья Николаевич.

– Годов сколько?

– Сорок четыре

– Что можешь?

– В каком смысле?

– Какой работой владеешь?

– Врач.

– Лекарь, что ли?

– Можно и так.

– Имеешь ли при себе разные инструменты: ножи, пилы, щипцы, корпию? Имеешь ли травы, коренья, и иные лекарские ингредиенты?

На Илью уже некоторое время, против воли и всякого здравого смысла, накатывала истерическая веселость. Кое-как сдерживаясь, он выдавил:

– Имею авторучку, чтобы записать диагноз и назначения.

– Пиши, – прогудел бас, – лекарь из поздних. Ничего не умеет кроме как, слова писать. Эпохальный, можно сказать, приговор. Или приговор эпохе? Как посмотреть.

– По истечении карантинного срока, предлагаю, направить проявленца санитаром в больничный барак, – визгнуло слева.

– Сколь раз повторять: не барак, а лекарня.

– У нас демократия! Каждый имеет право голоса и право, называть вещи своими именами.

– Своими, а не твоими. Уймись, не то...

– Не имеешь права! Я – должность выборная!

– До-олжность! Вы-ыборная! – передразнил председатель.

– Гражданин Алмазов... – заикнулся было левый заседатель.

– Вот ему и пожалуюсь. Один ты, что ли, доносы строчить умеешь!

– Недонесение с моей стороны, должно караться по статье.

– Ну – все! Допек! Я те щас и язык твой поганый, и рученьки шаловливые повыдергаю!

– Предлагаю закончить совещанию. – Бас из всех оказался самой цельной натурой. –

Вечерять пора.

– Ужинать, – поправил Визгливый.

– Чего? – взревел Бас. В полумраке обозначилось могучее движение. Владелец внушительного голоса, мало, стол не своротил. И быть бы расправе, но поняв, что таки зарвался, левый заседатель метнулся к выходу. Тьма на миг озарилась дверным проемом. Остальная комиссия покинула зал заседаний чинно и неспешно. В помещении остались только узники-карантинники, да урковатый страж по ту сторону решетки.

Сон навалился сразу и беспросветно. Замотанное, изумленное до помешательства, сознание просто выключилось, милостиво отсекая Илью, от случившейся с ним действительности. Только сполз по стене на корточки и – мрак.

Но и пробуждение наступило мгновенно. Недалеко у стены, в самом углу взалел кашляли. В сторону Ильи пополз характерный запашок. И тут же сработал, въевшийся в подкорку, врачебный инстинкт. Еще толком не проснувшись, Донкович разобрался с диагнозом, да что там, и с прогнозом – тоже. Человек в углу умирал.

Кое-как разгибая конечности и нещадно царапая куртку о шершавую стену, Илья встал, прошел три шага, навис у решетки черным, коленчатым богомолем и позвал:

– Эй, кто тут есть!?

– Чего? – бакланишь отозвался гнусаво-заспанный молодой голос.

– Здесь больной. Ему необходима помощь.

– Вот и помоги, – нагло отшили с той стороны.

Вертухаю, разумеется, было начхать на болящего, но уже проснулся и вник – развлечение случилось. Сам врачешка напросился, сам пускай и выпутывается.

Илья бессильно выругался. Достать бы тебя паскуду...

– Оскорбление комиссии влечет за собой наказание: от очистных, до отправки в отряды, – издевательски пропели с той стороны.

– Ты не комиссия. Ты шестерка.

Теперь заматерился стражник – зло, длинно, оскорбительно адресно.

В углу опять закашляли. Приступ перешел в рвотные спазмы. Илья представил, как больной давится кровью, плюхнувшей, из проеденных чахоткой легких.

– Факел хоть зажги, – прошипел, едва сдерживая ярость.

– Не положено. Спать мешает.

Бессилие! Ни помочь больному, ни докричаться до караульщика. И впервые с проявления царапнула мысль, что ЗДЕСЬ ему может не хватить сил. Ни душевных, ни физических, ни интеллектуальных. Никаких!

Стало страшно.

Темно. Волгло. Ночь.

Карантин, интересно, распространяется только на смертельные, скоротечные инфекции или на все остальные тоже? Надо было о чем-то думать. Не перебирать собственные обстоятельства, не поворачивать проблему так или иначе: хватит – не хватит, выдюжу – не выдюжу, рехнусь – не рехнусь? Лучше забить себе голову простыми, насущными проблемами. Например, скоро ли выпустят, и куда дальше деваться? Впрочем, есть люди, значит, есть у них болезни. Доктор он и в пещере доктором останется.

И так, сколько мне тут сидеть? Судя по репликам из зала, публика в трибунале подобралась весьма неоднородная. Разброс в плане историко-социально-культурной принадлежности: от средневекового посадника до следователя НКВД. А председатель? Илья попытался соотнести означенного члена с известными типажам. Похож на купчину из позапрошлого века. Дворянскими манерами и излишней интеллигентностью никто не обременен. Таким запросто можно впарить, про безопасность болячки, от которой преставился сосед по камере. Но, во первых...

Неожиданно зашуршало и забормотало в другом углу. Сначала невнятно, потом частой шепотной скороговоркой:

– Ой товарищи же, товарищи! За ще пытаете?

Угол до сих пор сохранял полную неподвижность и молчание. И вот те, нате! Явление третье: те же и пастень. Масса в углу зашевелилась. Илья начал различать контуры. Под самым потолком в помещении таки имелось щелеобразное окошко. Когда его привели, была уже ночь. Сейчас окошко проступило густо серым сумраком. Только что объявившийся сосед, опять забормотал.

– Ты кто? – без обиняков перебил Илья. – Эй! Ты откуда проявился?

– 3 Харьковчины.

– Давно здесь?

– Тры ж дни. Сегодня выпускать збиралыся. Тепер еще тры сидэть.

– Из-за чего?

– Из-за тебя! – внезапно озлился собеседник. – Свет ему подавай. Ой панове, ой не губите, Ой, герр офицер, отпустите меня. Ой, Божечки, Божечки, за что караешь? Не виновен. Только приказы исполнял.

– Из какого ты года проявился?

– Отстань. 3 сорок четвертого. Отвяжись. Ничего тебе не скажу. Донесешь!

– Придурок! – озлился наконец и сам Илья.

– А я вот удавочку совью и на шею тебе накину, как уснешь, – прошипел сосед.

Общаться расхотелось. Лучше бы вообще не начинал.

Предрассветный сумрак окончательно вогнал в тоску. Расползлась сырость. На коже куртки осела холодная испарина. В дальнем углу давно перестали кашлять, дышать, впрочем, тоже.

Розоватую, протянувшую в окошко один единственный хилый пальчик, зорю встречали трое живых и один труп. Первый в этой жизни, /если она – жизнь/.

Простота и быстрота, с какой труп образовался, Илью доконали. Или началась, давно ожидаемая, реакция на стресс? Он сидел на корточках, привалившись спиной к стенке, и трясся в крупном ознобе. Зубы клацали. Свалиться бы на пол, закрыть голову руками и взвыть. Но глаз сам, уголком, краешком наблюдал за живым соседом. Удавочка, которую тот посулил, крепко запала в душу.

Три дня вялый тусклый свет из щели под потолком отмечал смену времени. Менялся караул. Приносили еду. Шевелился, заставляя сторожиться, сосед. Душно, волгло, муторно, пусто. Чтоб тебе пусто было! И стало по слову его. Или Его? Илья сваливался в воронку депрессии и выныривал обратно. Существование плелось на грани вялого безумия. Или нирваны? Но грязненькой и скучной: не холодно, не голодно, не больно. Нирвана, блин, при одном труп, одном сумасшедшем, одном вертухае. Не возникало даже легких позывов к действию. Куды бечь? Некуды! Отбегалси, соколик. Нет, сокола летают. Бегают страусы. Вот и ты, милай, сунь головушку в песок и жди, пока по заднице не наладят. Дома бы метался, решетки взглядом плавил, а сердца – глаголом. То – дома. А ты где? Во-во.

Из кисельной меланхолии вывел сосед. Когда принесли кашу, он попытался завладеть посудиною Ильи. И не то что бы есть так уж хотелось, но – гадют – пришлось реагировать. Отреагировал адекватно: отобрал у харьковчанина сваю миску, да еще погрозил тому, до смешного маленьким аккуратным сувенирным ножом.

Бывший врач И.Н.Донкович был готов пустить сейчас свое оружие в ход. Затмение, да и только. Соседушка убрался в свой угол и больше на добавку не претендовал. А Илью накрыло сознание собственной гнусности. Каша показалась сухой как песок. Илья глотал ее под ехидное верещание внутреннего голоса: давай-давай, адаптируйся. Потерять человеческий облик очень даже просто и быстро. А ТУТ и стараться не надо. Само пройдет.

Кашу Илья доел и устроился на полу у стенки. Брезгливость, заставившая почти сутки, сидеть на корточках, не касаясь ничего руками, давно прошла. Вставал он теперь, опираясь о никогда не мытый, пол. Насчет нужды справить, в полу имелась дырка. Тоже по началу испытывал определенные неудобства. Привык. И даже подумал как-то: помести тонкого, умного, нервного интеллигента рафинэ в иное время-пространство, да окружи его там теплом и заботой, обеспечь тепличные условия – съедет с катушек, зазвенит крышей от раздражающих противоречий, и пойдет ловить чертей простынкой.

Чертей, однако, с перепою ловят. А может, Илья, сломавшись под грузом, навалившихся в последнее время проблем, банально запил – просто, как нормальный русский мужик – и теперь пребывает в городской психушке? Вот было бы здорово, вынырнуть из сумрачного бреда в отделении дорогого Пал Иваныча. Ребята вокруг все знакомые. Строгие анестезистки в глаза заглядывают. Илья зажмурился, напрягся даже, ожидая исполнения такой простой, такой реальной в сущности мечты.

И лязгнуло, и загрохотало, и стал свет.

В зал заседаний входила комиссия-трибунал. Да еще охраны на каждого по одному. Еще – людишки, – темно, лиц не разобрать, – одетые в пестрые маргинальные обноски. Свидетели? Присяжные? Во, прогресс в Аду! Илья мигом оторвался от видения реанимационной койки. Реально, просто и понятно даже трупешнику в углу – суд идет.

Трибунал расселся за столом. Далеко друг от друга, однако, устроились господа заседатели. Илья, наконец, рассмотрел их в подробностях, благо натащили факелов. Бас – он и есть бас – саженный мужик в годах. Из-под чего-то такого, – пиджак-полупальто-зипун-армяк? – свешивалась до колен серая рубаха. Непролазная светлая борода напололам закурчавила лицо. Поблескивали, занавешенные бровями, глаза. Что в них, не разглядеть, а и рассмотришь, на фига тебе это, Илья Николаевич? Потому как ни местных нравов, ни обычаев ты не знаешь. А с другой стороны: человек – везде человек, со всеми своими радостями и горестями, с дерьмом и соплями.

В середине вольготно расположился невысокий плотный мужчинка, – рубаха с запояской, картуз не снял даже когда сел за стол, лысина у него, что ли? – макнул в чернильницу ручку и навис над белым плотным листом. Как есть – купчина собрался сальдо с бульдой скрестить.

Слева пристроился тощий человечиска в куцем пиджачке и круглых проволочных очках. Колхозный счетовод с маузером на боку и мандатом за пазухой? Следователь НКВД районного масштаба?

– Вста-а-ть! – тут как тут выскочил урковатый парень, который третьего дни вел Илью по лестнице. Донкович, привычно, прошкрябал курткой о стену. В левом углу суетливо вскочил харьковчанин. В правом молчали.

– Помогите встать своему товарищу! – устави́л на Илью кривоватый палец чекист.

– Его теперь только трубы Страшного Суда поднимут, – хрипло, как со сна отозвался Донкович.

– Помре сам или помогли? – пророкотал буслаевидный детина.

– Сам.

– Это – он! Он! – тыча в Илью, кинулся к решетке сосед. – Я видел. Я сообщил!

– Ваш сигнал принят, – заверил его чекист.

О как быстро договорились!

– Требую внести в протокол, – зашелся тем временем чекист. – Совершено убийство заключенным своего товарища.

– Карается отправкой в отряды, – меланхолично заметил бас. – Но сначала тело осмотрим.

– Мне и так все ясно, – уперся очкастый. – Убил из корыстных побуждений, дабы завладеть имуществом. Записали?

– Ниче я не писал, – отозвался картуз. – Папир кончился. Надо к господину Алмазову за чистым листом посылать. А пока Ивашка бегаёт, тело осмотрим.

– Нет, это возмутительно...

– Ну-ка, ну-ка? – ехидно переспросил «картуз». – Чем ты недоволен?! Тем, что чистый государственный папир господин Алмазов по счету выдает?

– Не это. . .

– Это, это! Так и запишем. У меня для твоих возмущений отдельный листок припасен.

При свидетелях сказано.

– Не было этого!

– Было. Было!

– Кончай базар, – конструктивно грянул бас. – Пока Ивашка за гумагой бегаёт, дело надо править. Вы, двое, покойного разденьте и положите у решетки, сначала кверху пузом, потом кверху гузном.

Стараясь не испачкаться, Илья начал раздевать, заочеченевшее тело. Всей одежды, оказалось, квадратная тряпка с дырой для головы и поясок. На веревочке болтался тощий кошель.

– Из каких такой будет? – задумчиво прогудел «Буслай», разглядывая, не до конца разогнутый, труп. – Слышь, лекарь, говоришь, сам преставился? От заразы, или как?

– От болезни, – осторожно пояснил Илья.

– Зараза у него переходчивая?

Отвечай тут! Соврать? А вдруг придет штатный судмедэксперт и примитивно объяснит трибуналу, что за болезнь у почившего. Тут ведь и так и эдак можно повернуть. Тогда – сидеть не пересидеть. Да еще лжецом ославят. В компании чокнутого хохла оставаться не хотелось. А следователь-то как обрадуется. Не иначе, Илье государственную измену припаяет: от усекновения головы, до отправки в горячий цех – уголь под котлы таскать.

– Если долго рядом с ним жить, есть из одной посуды, спать в одной постели, – начал изворачиваться Донкович, – можно заболеть. Но это совсем не значит, что сразу наступит смерть. Сия хворь излечима.

– Не запутывайте следствие, проявленец, отвечайте на поставленный вопрос! – влез трибунальщик в куцем пиджачке. – Назовите болезнь.

– Казеозная пневмония, – осторожно выговорил Илья и весь подобрался. Сейчас его могли приговорить к пожизненному заключению в карантине.

Но, обдуманное и взвешенное признание, повлекло за собой совершенно парадоксальные выводы судей:

– Болезнь пневмония общеизвестна, – категорично заявил «пенсне». – Для окружающих она не опасна. – А далее шёл головоломный выверт. – Проявленец объявивший себя врачом, считаю, нарочно запутывает следствие, то бы и далее жить в условиях изолятора на полном государственном обеспечении.

– Ну, что пишем? Не переходчивая? – потребовал купчик.

– Нет! – категорично рубанул ладонью воздух левый заседатель. – Мы тут столкнулись с актом прямого саботажа...

– Пошел чесать, – прогудел «Буслай». И – Илья: – Ты вижу, человек неглупый, понимающий, может, даже. Скажи, если мы вас отпустим, заразу по слободе не понесете?

– Нет, – с облегчением заверил его Илья.

– На лицо также, – не унимался «чекист», – имеет место стговор одного из членов трибунала с подследственным.

– Этого писать не буду.

– Тогда считаю своим долгом донести о коллективном заговоре, имеющем своей целью...

Событие, оборвавшее речь чекиста не столько позабавило, сколько озадачило. Хотя, что такое скандал во властных структурах? Мог бы уже и притерпеться. В родном парламенте, да и в неродных тоже случались выяснения при помощи мордобоя. Что уж про Ад толковать!

Буслаевидный мужик с неожиданным проворством перепрыгнул низкий стол, крутнулся на каблуках и на краткое как дуновение смерти мгновение навис над чекистом, а далее, не размениваясь на политесы, со всей силушки влепил, означенному члену трибунала, солидного леща. Не рассчитанная на такие нагрузки комплекция легко порхнула над дальним концом стола и приземлилась у стены

– Требую, записать...

– Щас я те пропишу. Только подойди поближе, – плотоядно улыбнулся купчик.

Ко всеобщему разочарованию продолжения полемики не последовало. Чекист нарочито долго со стопами поднимался, отряхивал одежду, охал и наконец с видом оскорбленного достоинства занял свое место.

– Записал, – между тем, констатировал председатель. – «Проявленца неизвестной нации, незнамо как зовут, проявившегося девять дней назад, считать умершим своей смертью от непереходчивой болезни. Проявленцев: Илюшку Донкова и Харитошку Онипченка, явившихся в городе Дите, Алмазной слободе три и шесть дней назад, из карантину выпустить. Ренкамандация... тьфу! Штафирка, как написать-то?

Но «чекист», состроив брезгливую мину, отвернулся.

– Запишем: один идет младшим помощником в лекарню. Другой... куда другого? Эй, Харитошка, какое дело дома справлял?

– Надзор за общественным порядком. Старостой был, – елейно пропел харьковчанин.

– Эк куда хватил! До такой должности у нас трубить и трубить, – прогудел бас. – На общественные работы пойдешь.

– Протестую, – нарушил собственный бойкот чекист. – В лице товарища Онипченка мы имеем готового спеца по надзору за контингентом.

– Записал: направлен на общие работы. Будешь свою закорючку ставить? – обернулся председательствующий к вредному заседателю.

– Нет!

– И не надо. Пойдет при одном воздержавшемся – большинством голосов.

– Вы не имеете права!

– Имеем.

Были сборы недолги... тряпочный кошелек, что совсем недавно болтался на запояске покойника, мелькнул в руках харьковчанина. Илья машинально охлопал свои карманы. Нож, зажигалка "Зиппо", – чем он интересно будет ее заправлять? – документы были на месте.

Процедура выпущения прошла в торжественном молчании. Каждому сунули квадратный талон /квиток, паспорт, папир/ с именем и печатью. В центре круга шла кривоватая надпись: «Слобода Алмазная». Удостоверение, значит, местной личности. Просто, как мычание.

На законный вопрос Ильи, где находится больница, отвечал бас:

– Дойдешь до реки. Там – рядом.

Харьковчанин спрашивать не стал, как только приоткрылась дверь, юркнул и был таков. Понятно – девять суток в каменном мешке, да еще в компании с сомнительными личностями. После демарша с ножом Илья и себя к таковым причислил.

Свобода встретила тусклым светом, пылью, лохмато припорошившей стены домов, да серой вереницей прохожих. Голодом, между прочим – тоже. С утра карантинников не кормили и, как найти пропитание, не сказали. Вообще никто ничего не разъяснил. Возмутительно! Бардак в Аду! Однако для вас, г-н Донкович, проявление – факт из ряда вон, а для них – банальнейший. Каждому объяснять, что тут и как, язык сотрешь. Сами разбирайтесь в здешней жизни \ если оно – жизнь \. Желательно, правда, в самом начале процесса не сдохнуть от недостатка информации.

Потоптавшись на месте и немного обыкнув, Илья двинулся по мягко сбегавшей вниз брусчатке. Река протекала где-то там. Не вверху же, откуда он третьего дни был приведен стражником байкерского вида. Кстати, возвращаться к месту проявления категорически не хотелось. Хотелось: есть, выпить, отмыться, почистить изгвазданную одежду; поспать, наконец, по-человечески. К общему физическому дискомфорту прибавилась тревога: в карантине, как ни крути, присутствовала некая определенность, типа – прописки. Есть в паспорте штампик – иди мимо стражей порядка, помахая кейсом. Даже плюнуть можешь в их сторону, вроде случайно. Нет – изображай паиньку, иначе получишь по башке: «бомж, черномазый, морда жидовская, глиста интеллигентская...» – в зависимости от того, какой именно тип не нравится блюстителю. Хотя, вот же в кармане – аусвайс с печатью. Прорвемся!

Мысль о работе согрела. Невостребованность грозила натуральным абстинентным синдромом. «Мы отравлены нашей работой и нашей востребованностью» – говаривал Азарий, светлая ему память. Надо бы ухнуть с головой в новые, неизведанные ощущения, – приключение ведь случилось, мать его ети, – нет, так и будешь бродить по пыльному Аду в поисках страждущих.

Ей Богу, щас рехнусь – успел помыслить Илья и вмиг потерял нить. Он и сам не заметил, как оказался в центре небольшой компании. Его окружили четверо мужчин /мужиков, пацанов, братвы/ местного разлива. Трое начали теснить в простенок. Четвертый остался на углу.

– Проявленец? – спросил центральный нападающий.

У него одного поверх грязного рубища была накинута легкая анахроническая курточка. Зубы во рту с короткой верхней губой торчали через один, а рыжеватая шевелюра по густоте напоминала собачью шерсть.

– Ну.

– Че нукаешь? Закона не знаешь? За непочтение к старожилам – штраф. Скидавай кожух. Дрянь, конечно, но и такой сойдет.

Расставаться с курткой Илье, мягко говоря, не хотелось. В ход пошел, уже оправдавший себя в деле защиты, нож. Запоздало пожалев, что не захватил из дому охотничий тесак, Илья выкинул лезвие.

– О, и ножичек отдай. Сам не схочешь, отберем, – осклабился собакоголовый. Отчаянная смелость Ильи не произвела на него никакого впечатления.

Подручные жоака разом ухватили проявленца за руки. Клещи получились не очень – хлипковат оказался народец. Самый из них высокий едва доставал Донковичу до плеча. В лицо задышали кислой вонью. Осталось, отбиваться ногами. Без замаха и без предупреждения Илья резко согнул и выбросил вперед колено. Чашечка пришлась аккурат в пах рыжему. Тот никак не ожидал от бледного долговязого проявленца такой подлости. Ведь они кто? Они ж как привидения по началу бродят, от прохожих шарахаются. Цыкни, все добро отдадут, да еще спасибо скажут за науку. Рыжий хрюкнул, хлюпнул от обиды носом и начал складываться пополам. Голова уткнулась Илье в грудь.

Правую руку больно рванули, левую, наоборот, выкрутили, до скрипа курточной кожи. Пинаться одновременно в разные стороны, оказалось несподручно. Илья прикинул, что будет дальше. Ни чего хорошего: его подержат, пока обиженный не придет в себя. А тот очухавшись начнет попросту месить человека. Ладно, если жизнь оставят несговорчивому дураку.

– Атас! – внезапно донеслось из-за угла. – Стража!

Разбойники как придвинулись, так разом и откачнулись, чем жертва тут же и воспользовалась. Обтянутый черной кожей, локоть полетел правому в лицо; левому попало кулаком. Нож к тому времени уже валялся под ногами. Илья его сам выбросил на всякий случай.

Стоявший на стреме бандит, рванул с места преступления первым. За ним подались левый и правый. Только собакоголовый стоял на месте, укрыв – руки ковшиком – зашибленное место. Вошедший в азарт, Илья собрался ему манехо добавить, но, проснувшийся рудимент дворового кодекса, по которому жили и дрались все нормальные мальчишки его поколения, не велел бить поверженного.

Из-за угла сначала показалось копые наперевес, потом сам стражник. В нем Илья с невероятным облегчением узнал своего первого от проявления знакомца. Блюститель порядка был в тех же штанах и кожаной жилетке «байкера» девятого века.

– Разбой? – деловито осведомился стражник.

Илью потряхивало, потому ответ несколько запоздал. Зато рыжий вдруг выставил в его сторону палец и плаксивым голосом затянул:

– Напал. Жизни меня лишить хотел. Убил он меня. Ой, убил! Мужчинское место мне откромсал.

– Яйца, говоришь, отрезал? А почему крови нет? – скептически заметил копейщик.

– Внутрь ушла, – выкрутился собакоголовый.

– Она че, змея? Врешь ты все. Опять за старое взялся? Сколько их было? – спросил стражник у Ильи.

– Вместе с этим – четверо.

– Ушли?

– Туда, – махнул вверх по улице Донкович.

– А тебя, значит, из карантину выпустили уже?

– Только что. Больницу ищу.

– Хворый оказался?

– Я врач. Велено, на работу определяться.

Разбойник между тем бочком, бочком, по-крабьи, начал отодвигаться. Но «байкер» хватился только, когда собакоголовый рванул вверх по улице, хоть и раскорякой, но быстро.

– Упустил – спокойно посетовал копейщик.

– Можно еще догнать, – возразил Илья, подбирая нож. Левый рукав куртки сзади-таки надорвался. Обхватив себя, он исследовал прореху. Результат настроения не прибавил. Сильно отрицательных эмоций тоже не случилось. Неприятно, конечно, являться к новому месту службы не комильфо. Но трехдневная, непролазная щетина, – борода у него росла как у всех основоположников вместе взятых, – и некоторый беспорядок в одежде не должны стать решающими поводом для отказа. Посмотреть на местных – таких нельзя на люди пускать. Однако – бродят.

– Охо-хо, глупые вы, проявленцы, – не проницая во внутренние противоречия Ильи, посетовал знакомец. – Пока тут обжизнетесь, много воды утечет. Это, опять же, если живой останешься. Гляди: догнали мы татя, скрутили, на суд отволокли. Он тебя же оболжет. А друзья подтвердят: шли, мол, тихо мирно, никого не трогали, а проявленец ножом напугал. Они де со страху побежали, а Прошка не смог. Ты его, стало быть, искалечил. Прошка порты скинет и предьявит синюю мотню. И что? А – то! От штрафа до очистных. Суд здесь короткий.

– Заметил уже.

– Видал, да? Горимысл с Иосафат Петровичем еще ничего. А Лаврюшка Хвостов совсем дурак. Хотя, тот же Иосафат дальше реестра шага не сделает. Хоть потоп, хоть пожар, хоть камни с неба посыпятся – в реестр глянет и проречет: «От штрафа до забора».

– При нас еще охранник отирался мелкий такой, белесый.

– Ивашка. Мне сдается, он нарочно к нам с острова убег. Крюковский подсыл. Зато, как быстро тут кое с кем спелся!

«Байкер» умолк. Илье, наконец, представилась возможность расспросить старожила о насущном:

– Какие тут деньги ходят?

– Медные. Серебра две рубленные гривны по слободе гуляют. Может и золото есть. Тока, не видал. Ты за деньги-то не переживай. Тута с голоду не помирают. Два раза в день выдача каши. Ежели прижмет нужда, ступай к управе. Утром и вечером – дармовая кормежка. Некоторые так и живут. Кто работает, те, конечно, дома питаются. В Игнатовке, например, совсем наоборот. Если не работать, враз ноги протянешь. А и работая, тоже не заживешься. Крюковка, та рекой живет.

За разговором они спустились до поворота. За ним улочка вливалась в широкую набережную. Русло замыкал высоченный, куда там привычным мостовым ограждениям, гранитный парапет. Каждые пятьдесят метров каменная стенка прерывалась. Просветы загораживали тяжелые деревянные щиты. Илья глянул по течению. Отсюда хорошо просматривалась монументальная стена, перегородившая и город, и реку. Высота – метров пятьдесят. Громадина. Река текла сквозь. Страж пояснил:

– Стена от моря защищает. Что за море никто не видел. Говорят, в ем воды много. Видал речные берега?

– Высокие.

– Они со сторон воды еще и с уклоном. Чтобы твари, которые с присосками, забраться не смогли.

– И такие есть? – Илья оторвался от созерцания стены. Интерес к архитектуре уступил место оторопи. В мутных глубинах здесь, оказывается, затаились монстры. Привычное понимание речки, – много ила, чуть меньше мазута и чахлые мутанты-пескари, – сразу уступило место стойкому чувству опасности. К тому же на набережную не выходило ни одного окна. Дома как один стояли к воде облезлыми задницами.

– Больница в какой стороне?

– Вон там, под самой стеной. Иди прямо. У последнего дома – дверь. Не стучи, так заходи. Они по дневному времени не запирают.

– Странное место для лечебницы.

– Это ты с нашими делами пока не знаком, – сказал стражник и развернулся, уходить.

Спасибо, вообще отвечал на вопросы, до места почти довел – хороший человек.

– Мне домой надо. Дальше сам не заблудишься. Если по дороге опять кто пристанет, ты главное окружить себя не давай. Шумнешь, они и разбегутся. Они тут пуганые, не то что в Крюковке.

– Спасибо, что проводил. Может, представишься?

– Как это? – насторожился мужичок.

– Зовут тебя как?

– Мурашом батька нарек

– А меня – Ильей.

– Познакомились, значит. Просьба у меня к тебе будет. Не сочти за обиду, нет ли у тебя бумаги вашей, тамошней? Папир к торговле запрещен. Если и продает кто втихаря – дорого, не купишь. А у меня жена рисовать любит. Ни говорить, ни слышать она не может, да и хроменька. Стены все дома размалевала, так ладно. Принесу ей иногда листочек, чтобы не скучала.

Илья полез во внутренний карман. Как раз накануне он купил широкоформатную записную книжку. Переплет – дрянь, зато места много. Благодарные пациенты нет-нет, да презентовали блокноты. Но в тех присутствовало много кожи, много металлической отделки, разноязыкие памятки и очень мало свободной бумаги. Вот и позарился. Три, занесенные в блокнот строчки, на сегодняшний день годились только для ностальгических штудий. Не задумываясь над ценностью данной вещи в местных условиях, Илья протянул книжку Мурашу:

– Возьми. Пусть, рисует.

– Нет, господин проявленец, такого принять не могу. Листочка три, может, четыре... а всю ты себе оставь.

– Бери. Ты мне сегодня жизнь спас.

– Эка, хватил! Жизнь. Не посмели бы они. У нас не Крюковка. За лишение жизни – отряды. А оттуда возврата нет.

– Меня ими уже пугали. Тощий такой судья – Лаврюшка.

– Он всех пугает. Но туда редко отправляют. Собирают народ по одному, а как соберут не меньше пяти, так и налаживают в дорогу. За городом идет полоса песка, потом рисовая гора, за ней лес начинается. Чаща. По-местному – сельва. Откуда, думаешь, папир, плоды, дерево, чай, травы целебные? Только взявши все это, жизнью платят. Сильно плохо в лесу. И деревья грызуны, и деревья с присосками, и лягушки ядовитые, змей видимо невидимо; другая всякая гадость; пиявки – кровососки, черви с локоть длинной, щука летучая. Но их последнее время не видать. Раньше-то в город залетали. Давненько их не было. Если увидишь, прячься под козырек – кидаются

Мураш держал книжку наотлете, стесняясь принимать дорогой подарок от глупого проявленца, но и не имея сил расстаться с вожаделенной бумагой. Не мудрено, отдельная жена в городе Дите, как понял Илья, факт редчайший. Такую и побаловать не грех. У Донковича не возникло ни тени сожаления. Коренастый «байкер», хрен знает какого века, ему нравился отсутствием нахрапистости и хитрого расчета. Для такого не жалко.

– Забирай подарок своей жене. Обратного не возьму.

Мураш еще чуть помедлил, но потом-таки сунул книжку за пазуху:

– Благодарствуй. Не пожалеешь?

– Нет. И тебе спасибо.

– Ты, это, если спросишь мой дом, тебе любой покажет. Тока спрашивай у нормальных, снулых не тревожь.

С тем и отбыл по своим делам.

Широкая тяжелая дверь нашлась легко, по той причине, что была на всю округу единственной. Илья толкнул створку. За порогом оказалось темно как у негра в желудке. По шире распахнув притвор, он рывком преодолел расстояние в шесть шагов до другой двери, приналег, на тяжело поддающуюся створку и, наконец, оказался внутри. Тут же и споткнулся. Вверх поднимались три крутые ступеньки. Поминая Цезаря – образование, мать его! – в помещение Илья не вошел, а влетел. Чадили факела. Не все. Через один были загашены. Тускло мерцали два щелевидных оконца под самым потолком. Илья остановился и начал осматриваться. В центре обширного зала рядами выстроились кушетки /или лежаки, или столы/. По углам и у стен навалено не то тряпье, не то мусор, в темноте не разобрать. Больные тоже присутствовали. Отдельно трое. Подойдя, но, не дай Бог, не дотрагиваясь, вдруг сочтут за непочтение к местной медицине, Илья присмотрелся. Двое – терминальные. Третий – ни то ни се. Дальше – ряд пустых топчанов. А у самой стены, перед рогожной занавеской, еще человек пятнадцать. Все с глубокими кислыми язвами. У кого рука изгрызена до кости. У кого на животе страшный, с черным дном провал, у кого половина лица напрочь отсутствует. Только один чистенький. Нога в лубке. Гипса здесь не придумали или не нашли. Что за болезнь у тех пятнадцати, пойдя догадайся. Не исключено – местная «переходчивая». Илья на всякий случай отошел подальше от топчанов.

Рогожа зашевелилась, из-за нее выплыл аморфного вида мужчина в серой хламиде и с серым же лицом. Пухлые щеки, отечные веки. Если лекарь – сам в первую очередь нуждается в помощи.

– Болящий? – спросил без всякого интереса.

– Нет.

– Очистные работы назначили? Так эти, – кивок в сторону топчанов, – еще не поднялись. Завалите мне тут все. Которые с последних очистных не скоро встанут.

– Мне кажется, некоторые не встанут вообще, – осторожно заметил Илья.

– Ништо. Поднимутся. Ниче им не придет. Стой! – скомандовал лекарь и без того неподвижному визитеру. – Проявленец?

– Рекомендован, в помощники местному доктору.

Сонное безразличие сползло с одутловатого лица как змеиная шкура. Взгляд стал цепким и неприязненным.

– Лекарем назвался?

– Да.

– В самом деле лекарь, или решил к доходному делу примазаться?

– Врач, хирург.

– Не завирай! Много вас тут ходит, и все врачи. Огневицы травяной от кудрявой чернухи отличить не можете.

Как то ни прискорбно, но медикус был прав. Пойди, отдифференцируй болячки, которых ты в глаза никогда не видел. Земной опыт тут не поможет.

Разберусь, решил Илья, голова, слава Богу, на месте. Другое дело, что медикус не настроен, брать нового ученика. Вон рожа налилась темной кровью. Набычился.

– Давайте, сначала познакомимся, – примирительно начал Донкович.

– А нужен ты мне? Знакомцев мне тут не хватает! Сам председатель трибунала ко мне ходит. Сам Господин Алмазов интересуется. Иосафат вот Петрович намедни пиявок принимать изволили. И зеленый декох у меня самый лучший.

Труба! Не в смысле водопроводная или иерихонская. В зеленых декоктах Илья разбирался примерно так же как в сложносочиненных предложениях на китайском. А местные пиявки могли оказаться чем угодно: от безобидной озерной тварюшки, до годовалой мурены. Но пока все способы внедрения не испробованы, уходить он не собирался. Некуда было идти.

– Вон тот, – Илья кивнул в сторону умирающих, – похожий на мешок с водой... далее он вкратце обрисовал перед коллегой свое видение проблемы, добавив в конце: – Оба экзитируют в самое ближайшее время.

– Чего сделают? – переспросил лекарь.

– Умрут, – тихо чтобы, не услышали больные, подтвердил Илья. Выражение открытой неприязни на лице собеседника сменилось настороженностью. Однако своих позиций медику сдать не собирался:

– Вылечить их можешь?

– Нет.

– Вот тебе и весь сказ. Не можешь – не суйся, и про цианозы да экзионы мне тут не толкуй.

У Ильи осталось последнее средство:

– Меня сюда, между прочим, трибунал направил. И я здесь останусь. Если Вы, коллега, – последнее слово процедил чуть не по слогам, – отказываетесь принять меня на работу, извольте обосновать Ваше решение. Имея на руках письменный отказ, я потребую другого назначения.

Острый нос медикуса заблестел, глаза набрякли.

– А папир ты мне принес?

Илья выхватил из кармана квадратик белого материала, врученный в карантине:

– Пиши.

– За оскорбление документа – наказание: от штрафа до очистных. Я обязательно доложу кому надо, как ты тут документом размахивал. Тебя самого в трибунал потянут.

Впору было пожалеть, о подаренной книжке. Но...

Лишенный женской опеки, Илья в последнее время пользовался услугами всяческих бытоорганизующих контор. Во внутреннем кармане у него давно обреталась квитанция из прачечной. Недолго думая, Донкович выхватил листок и разложил перед медикусом.

– Такой документ Вас устроит?

Тот, подслеповато шурясь, склонился над внушительным, светлым квадратом. Но впопыхах Илья и сам недосмотрел, развернув бумагу записанной через копирку стороной. Ниже строчек на белом поле красовалась огромная вся в завитушках печать комбината бытового обслуживания.

Наклонившись еще ниже, лекарь по буквам прочитал: «Алмаз». Все правильно. Илья и сам не раз морщился, созерцая, кичовую вывеску. Однако впечатление на представителя местной медицины, бумага произвела глубочайшее. Он бедный даже в лице сменился:

– Проверка, – пробормотал одними губами. – Ревизия! Что же Вы господин, – простите, не представлен, – не обсказали все сразу? А мы, видите, – лекарь взащей толкнул под ноги Илье, неизвестно откуда взявшегося, серенького мужичка, – с Егорушкой, помощником моим, бдим на страже. Проявленец ныне пошел хитрющий, так и норовит на теплое место дуриком скакнуть.

Илья был несколько обескуражен. И что теперь прикажете делать? Про комбинат бытового обслуживания лепетать, а потом ретироваться под улюлюканье доктора и Егорушки? Не поймут-с! Вон личики у обоих от страха вытянулись. Штаны бы не намочили, коллеги. Велика, все же, сила слова... и дела.

Осталось, по капле выдавливая из себя интеллигента, гнуть обоих в дугу. Дальше видно будет.

– Вы меня сейчас введете в курс дела, – жестко постановил Илья. – Работать будем вместе.

За сим со стороны медикуса последовал словесный понос: оговорки и приговорки, причитания и сетования, симптомы и синдромы – все отдавало таким примитивом, что Илья до предела напряг внимание, дабы вычленить из мутного потока словес хоть какую-то мысль.

Про первых двух болящих, кого Илья зачислил в терминальные, лекарь, представившийся Гаврилой Петровичем Ломахиным, пояснил коротко: болезнь у них не здешняя, с про-

явления осталась. С собой, значит-ца, принесли. Излечению сие не подлежит. Про остальных несколько даже пространно объявил:

– Последствие очистных работ. Следы присосок монстрицы, которая стережет решетку в стене. Заживают сами, но медленно.

– Чем пользуете? – спросил Илья, сообразуясь с местной лексикой.

– Так ведь, ничем. Из лесу давно посылок не приходило. Страдаем.

Рожа у страдальца при этом случилась такая, что сразу стало понятно: все кроме воздуха у больных украли.

– А что вообще при этих язвах применяете? – не унимался Илья.

– Так, извольте видеть, они и сами прекрасно заживают. Мелкие – день, два. Крупные и глубокие – до седмицы. У свеженьких, гляньте, по краям еще огневица осталась.

В голове гудело. Вот тебе огневица, вот кудрявая зеленуха, вот присоска, а вот декох, который самому ни в жисть не составить. Пора было останавливать мутный словесный поток. Но Гаврила Петрович и сам иссяк, передохнул и вкрадчиво спросил:

– Не извольте ли откушать?

– Изволю.

Старший лекарь впрогибочку указал на рогожную занавеску. Егорушка ее тут же упреительно отдернул. За рогожей покоем стояли три лежачка. Между ними посередине – небольшой, грубо сколоченный столик, заставленный мисками с кашей. Среди крупных разваренных рисовых зерен темнели аморфные вкрапления. Плов, скорее всего, решил Донкович. Откажется? Как бы не так! Голодный спазм крутил внутренности с утра.

К трапезе приступили без церемоний. Слава Богу, нашлась лишняя ложка, иначе пришлось бы есть руками. Пользоваться одной ложкой на всех Илья бы не смог.

После трапезы осталось еще много каши. Гаврила Петрович махнул Егорке:

– Отнеси страждущим.

Чумазый Егорушка сначала разжимал болящему зубы, потом совал в кататонически открытый рот ложку каши, напоследок прихлопывая челюсть. Жевали болящие пищу или нет, его не занимало. Процедура впечатляла. Терминальным ничего не дали. В принципе, при полном отсутствии лекарств – тоже метода. Но медикус пояснил по-своему:

– Давать казенную пищу отходящим не велено.

Безапелляционный рационализм примитивного общества? Возможно.

Несмотря на обилие и разнообразие новых впечатлений, после еды потянуло в сон, – три дня спал в полглаза. Илья уже приготовился стойчески бороться с дремой, когда выяснилось, оба медработника и сами не прочь вздремнуть. Ночевали и вообще жили они тут же, за занавеской. Третий топчан, таким образом, достался Илье. Он с невероятным облегчением завалился на жесткое ложе и мгновенно уснул.

Глава 2

Как же усидел на месте! Сразу как проснулся, пошел к больным. Возле них было покойнее. Тут все понятно, просто и правильно, как у барьера, или в окопе перед узкой ничейной полоской. Я приду к тебе на помощь. Если я и не всемогущ – сильнее многих. Я помогу.

Примитивно? Да. Первобытно даже – как поединок. Но сие – если копнуть глубже, под флер образования и этики – мотивация самой хирургии.

У пациента одного из пациентов оказался перелом ребер. Покосившись на заросшую волосами грудь, не ползают ли насекомые, Илья за неимением фонендоскопа приложился ухом. Пока выслушивал, как-то само собой рассудилось: если вши имеют тут хождение /ползание/ в массовом масштабе, ему все равно не спастись. Так что проблемы он будет решать по мере возникновения.

Попытка вновь завести разговор на специальные темы ни к чему не привела. На вопросы г-н старший врач отвечал крайне туманно.

А вы чего хотели, г-н Донкович? Чтобы вам на блюдечке вынесли драгоценные знания? Так вы, милостивый государь, сразу на место старшего товарища наладитесь.

Илья решил, что в конце концов сам до всего дойдет, и оставил «коллегу» в покое.

Однако кое-какую ценную информация он таки выловил: люди, населяющие город Дит, не болели! В аптечку же попадали травмированные, да и те – что потяжелее. Мелочь всякая самоисцелялась. Разве вот: было поветрие. Илья сказал, что знает. Ну, иногда от полнокровия приходится пиявок накинуть. От переедания... Собеседник отвлекся, переговорить с Егоркой. А раны? Раны сами заживают. Главное, вовремя кровь запереть.

В сумраке, уже ночью Егорка обнес всех новой порцией еды. Кроме каши каждый больной получил глоток белого как молоко состава. Ложка каши – ложка зелья.

– Для чего? – спросил Илья.

– А чтоб спали и стопами своими не смущали ни нас, ни друг дружку.

Гаврила Петрович, между прочим, отрекомендовался лейб-медиком его императорского величества Павла Петровича. Илья не очень поверил. Ломахин тянул на аптекаря средней руки, в крайнем случае – на костоправа. Егорка, – серая мышь лет сорока, примерно, – представлял собой до крайности забитое существо, преданно смотревшее снизу вверх на своего благодетеля. Откуда он проявился Илья так и не понял. Похоже, Егорка этого и сам не знал.

Потянулись дни и недели вживания. К полному и безоговорочному удивлению Ильи и торжеству декохтов и деревянных лубков изъязвленные начали подниматься уже на третий день. Самые тяжелые – на пятый. Раны закрывались на глазах. Последним ушел тот, кого Илья в горячке первых впечатлений записал в безнадежные. Половина лица у человека представляла мешанину из мышц и осколков костей. Глаз вытек. И все равно ушел! Справа от темени до подбородка тянулся уродливый плоский рубец. Даже двое пациентов, которых оба лекаря поставили безнадежными, так и умирали себе. То есть тлели, тлели, но окончательно не отходили.

Вывод напрашивался сам собой: иммунные и репаративные процессы в благословенном городе Дите протекали на много интенсивнее, нежели в его, Ильи мире.

Так вот определенно и быстро все разделилось и даже укоренилось в сознании. Тот мир – этот мир. Тот свет – этот. А по ночам приходили обыкновенные сны: отделение, Сергей, Валентина, Игорь, машины на улицах, последний грузовик... женщины стали сниться чаще. Местных он так и не видел. Существо, которое полоскалось в каменной лохани, когда его вели от места проявления, женщину напоминало только отчасти.

Обязанностей у младшего помощника оказалось до обидного мало. Гаврила Петрович вообще постарался оградить Илью от контактов с болящими. С одной стороны, Донкович

понимал, в чем тут дело, с другой – мириться с таким положением не собирался; помаленьку, по чуть-чуть вникал, смотрел, запоминал. А однажды встрял решительно и безапелляционно.

Переломы старший лекарь не правил. Просто накладывал лубки – и так срастется. И сросталось. Да так, что, вставши на ноги, пациент не всегда мог на них пройти до двери. На тот случай медикус выдавал калеке костыль. Егорушка отменно наострился их мастерить. Был случай, когда болящий ушел, придерживая здоровой рукой, до невозможности исковерканную, большую.

Парня принесли четверо, положили на топчан и удалились.

Лет двадцать пять, двадцать семь. Очень высокий. Голова свешивалась, с другого торца кушетки свешивалась здоровая нога.

– С общих работ, – сообщил Гаврила Петрович. – В яму, должно, упал. Егорка, тащи лубки.

Правая голень у парня укоротилась на треть. Кожу распирали осколки. Бледным студнем расползался отек.

Не обращая внимания на шипение Гаврилы, Илья пробежался пальцами по ноге. Парень застонал. А Егорка уже тащил две плоские дощечки и комок рогожных полос.

Парень открыл глаза.

– Я дома? – спросил одними губами.

– В больнице, – участливо отозвался Илья.

Больше вопросов пострадавший не задавал.

По остаткам одежды трудно было определить кто он и откуда. Лицо хоть и светлое, но неуловимо восточное: нос с горбинкой, крутой подбородок, большие светлые глаза чуть вытянуты к вискам.

– Тебя как зовут? – спросил Донкович.

– Руслан.

– Потерпи маленько. Сейчас постараюсь тебе помочь. Егорка, неси сонный отвар.

Кроме профессионального сострадания парень вызвал мгновенную симпатию. Егорка, однако, и не подумал выполнять распоряжение младшего помощника; стоял, переминаясь с ноги на ногу, да преданно смотрел на Гаврилу Петровича.

– Давай лубочки, Егорушка, – пропел тот елейно. – Приложим, да примотаем. Глядишь, дни три-четыре – уйдет.

– Ага, уйдет – ушкандыбают, на всю жизнь оставшись калекой, – возмутился Илья.

Парень будто почувствовал борение умов над своей сломанной ногой, открыл глаза и с надеждой посмотрел на доктора.

Такой слитной матерной тирады хирург высшей квалификационной категории И. Н. Донкович не выдавал давно, если вообще когда-либо ему случалось уложить десяток общеиспользуемых оборотов в витиеватый загиб. По смыслу оно сводилось к следующему: если сучий потрох Егорушка, не принесет требуемое, и, если собачий экскремент лейб-медикус императорской конюшни станет мешать, он, Илья, им моргалы выколует, рога поотшибает и яйца оторвет.

Гаврила Петрович даже отшатнулся, столь неожиданным оказался демарш тихого интеллигентного недоумка. И впрямь может зашибить, решил Ломахин и мигнул Егорке: неси.

Обоих, в конце концов, пришлось привлечь к делу. Они тянули, Илья вправлял. Руслан только сонно морщился. Потом на ногу намотали тряпье и аккуратно упаковали голень в лубочный корсет.

После неожиданного бунта, Донковича надолго выключили из общения. А ровнехонько сросшаяся нога вообще довела Ломахина до белого каления. Илья заподозрил, что г-н старший медикус постарается известить столь искусного помощника, как можно быстрее.

Прецедент не заставил себя ждать. Уже на следующее утро все пришло в движение. Оба старожилы лекарни засуетились, как только в дверь сунулась чья-то патлатая голова и проорала: «Очистка». Гаврила начал спешно отдавать приказания. Егорка мел, таскал, стелил, вытряхивал, двигал топчаны. Немногих обитателей лекарни: кого отнесли в дальний угол, кого разогнали по домам. Помещение опустело.

Илья собрался выйти, поглядеть. Его остановили: неча, мол, шататься, скоро сюда болящие нагрянут – намотрисси.

Их вносили по одному по двое. На носилках, на плечах, волоком под руки. Темный вестибюль вмиг переполнился. Забубнили голоса, дескать только начало, а тварюга вон уже скольких перекалечила. Потом в разговорах наступил краткий разрыв-ожидание. «Щас вдарит», – предположил кто-то. Опять загомонили. Общее возбуждение передалось Илье. Почти у всех пострадавших кровили жуткие раны. Гаврила прижигал их раскаленным железным прутом. Кровотечение почти всегда прекращалось, но пациенты как один впадали в беспамятство.

– Им бы отвара сначала дать. Половина от болевого шока умрет, – предложил Донкович.

– Декох дается один раз, на ночь, – не оборачиваясь, отозвался Гаврила Петрович, – Щас – белый день. Уф! умаялся. Не положено.

– Но им же больно!

– А потом ночью, когда проснутся да заголосят, ты их обносить будешь?

Показания к анестезии тут определялись соображениями ночного покоя Гаврилы и Егорушки.

– Я все сделаю сам. Вас беспокоить не буду.

– А расход?

Илья уже набрал в легкие воздуха, чтобы в очередной раз выдать залп словесной картечи, когда вестибюль взвыл:

– Вдарили, врубили... разряд...

Пол качнулся. Со стороны реки пришла волна глухого мощного звука. У Ильи на секунду заложило уши.

– Что это было, – спросил он, потрясенно.

– Небесное лектричество, – важно отозвался Гаврила Петрович. – По большой решетке ударяет, и тварям умерщвление причиняет.

Направленный электрический разряд в городе Дите?! Где средневековые нравы чуть разбавлены глухой древностью и помножены на примитивную, усредненную современную мораль. Ему, Илье, современную? Его веку? Эпохе? Цивилизации?

Вестибюль опустел. Людей вымело на улицу. В лекарне коновал Гаврила нещадно гонял Егорку, и на Илью напустился:

– Чего топчешься. Таскай, давай.

Настороженного подобострастия в поведении Гаврилы Петровича в последнее время изрядно поубавилось. За плачевное состояние лекарни с места не погнали. Ни одной даже массовой проверки за то время, пока тут обретался тихий, но настырный, длинный как жердь, чернявый проявленец не случилось. У, хитрован! Молчит, да по углам зыркает. Злоумышляет. Надо бы упредить. Вот ведь господин Хвостов, например, до чего въедлив. И понятливый – страсть. Ему только намекни на неблагонадежного проявленца... а может, и печать ту он украл?

После устройства больных, – кто так и валялся в беспамятстве, кто уже начал стонать, – лейб-медик подозвал Илью:

– Слышь? Громко стенают...

– Дайте им отвар.

– И другие средства есть. Егорка! – Сутулая фигура выскользнула из-за рогожи. – Пошарь под моим топчаном. Там горшочек широконыйкий стоит. Принеси.

«Отрок» скоро вернулся с вместительной кривобокой посудиною, поставил ее у ног Ильи и, глядя в сторону, ушаркал.

– Желаете, значит-ца, помочь? – раздумчиво пропел Гаврила Петрович.

– Это мазь?

– Мазь. А из чего, говорить не велено. Государственная тайна, – толстый палец лейб-коновала указал в потолок. – Иди, мажь.

– Раны, или вокруг?

– А? Чего? – понизил голос Гаврила Петрович. – Раны, раны.

Состав больше походил на студень, но, впрочем, под теплыми пальцами расплзлся, плавился. Илья на всякий случай тихонько мазнул себе тыл кисти – ничего. На язык пробовать по понятным причинам не стал.

Едва касаясь кончиками пальцев, он стал наносить мазь на поверхность ран, выбрав для начала самых тяжелых больных. Один, второй... Он уже пошел к третьему, когда первый пострадавший вдруг подскочил на своем топчане, выгнувшись дугой. Затылок и пятки деревянно застучали о топчан, тело свело до позвоночного хруста. Отставив горшок, Илья бросился к больному. Но когда подбежал, тот уже обмяк. Пульс? Нет! Дыхание? Нет! Сорвав со стены факел, Илья посветил. Зрачок пациента мертво расплзлся, лишая всякой надежды.

Второго подкинуло и согнуло под истошный визг Егорки.

Две смерти! Илья остолбенел, придавленный чудовищностью происшедшего. Сразу замутило, поплыло перед глазами. Что там дают за убийство? Отряды? Илья туда пойдет, вот только собственными руками удавит «коллегу».

Он уже пошел на Гаврилу, когда широко распахнулась дверь, и в помещение без спроса вошли люди. Впереди шагал Горимысл. Бас загрохотал под сводами палаты:

– Доложи, лекарь, скольких и с какой хворью держишь у себя под рукой?

– Дюжину принесли. Да двое сами доковыляли. Как видите, у всех обычные раны от присосок. Одного змееголов кусил несильно. А вот этих двоих, – Гаврила Петрович указал на трупы, – никто уже не спасет. Нерадивый помощник мне достался! Ох, нерадивый! Не слушая моих указаний, смазал их раны жиром капоглава.

– Как!? – охнул бас.

– Говорил я ему, – напевно, продолжал лейб-медик, – мажь вокруг. Но зело упрям. Всяко норовит, сделать по-своему. Теперь мертвы други наши, исправлявшие вину на очистных работах.

Горимысл, кликнув факельщика, пошел смотреть.

– Да, дела! А ты чего скажешь, Илюшка?

– Так велел старший лекарь, – коротко и зло отозвался Донкович.

– Я говорил, вокруг мазать! Вокруг! – опечалился Гаврила Петрович.

– Врет, – рывкнул Илья.

Горимысл осматривал пострадавших. Гавриил Петрович скорбно стоял рядом, сложив руки на животе. Илье светило, в следующую очистку идти на свидание к монстрице.

– Ну, эти двое и так бы представились, – заключил Горимысл свой осмотр. Окружающие не спорили. На лице Гаврилы Петровича отразилось глубокое сожаление. Сегодня комиссия обошлась без Хвостова. Тот бы...

– Как же, как же. А может, Бог дал, и выжили бы, – зачастил лекарь скороговоркой, спасая интригу от развала.

– Что!!! – взревел бас.

– Ой! – медикус прикрыл рот ладошкой и присел даже. – Не подумал. По привычке вырвалось! Больше не п-п-овторится.

– Смотри, еще раз услышу, под трибунал пойдешь! – от басовитого напора дрожали стены.

Похоже, упоминание Высших Сил и спасло Илью.

На спрос позвали Егорку. Тот, разумеется, подтвердил, что новый медикус по самодурству людей извел. Другого и не ждали.

– Сколько дён ты тут? – спросил Горимысл Илью.

– Три недели.

– Седьмицы?

– Да.

– Твое везение! – И, к лейб-коновалу. – Что же ты, учитель нерадивый, не обсказал за те дни ученику про лекарства твои да про яды?

– Говорил, Горимысл Васильевич, говорил. Каженный день твердил. И про травы, и про декохты, и про мази. Про ту, что в корчаге, особо пояснял. Не слушает. Все норовит по-своему сладить. Взялся без дозволения увечья лечить. Едва потом человека отходили.

– Кого? Обзови.

– Запамятовал. Егорка, не помнишь?

– Неа. Ушел тот парень и сгинул. Убег, от нового медикуса спасаясь.

– Правду речет сирота, – опять сбился на бляение Гаврила.

– А ты что скажешь в свое очищение, Илюшка Николаев сын Донков?

Мураш не ошибся: Горимысл был памятьлив, умен и не склонен к поспешным решениям.

– Коллега, вероятно, вспомнил больного по имени Руслан со сложным переломом голени. – Илья успел несколько успокоиться. Руки уже не так чесались, свернуть лейб-душегубу шею.

– Из татаровей? – мимоходом спросил Горимысл.

– Не знаю. Не спрашивал.

– Много иноплеменных прозвищ у нас в слободе. Ладно. Говори дальше.

– Так складывать кости, как делает ваш медикус нельзя, – Илья начал с самого на его взгляд важного. – Кости сначала надо вправлять, только потом одевать лубки. Иначе человек останется калекой.

– Говорил я тебе! – взревел бас на медикуса. – Продолжай, Илюшка.

– Тот парень полностью поправился. Если его разыскать, думаю, он подтвердит. Да и сами все увидите.

– Где ж его сыщешь? – плаксиво запричитал Гаврила Петрович, – Бежал больной от дохтура сего страхолюдного, только пятки сверкали.

– Бежал?

– Улепетывал.

– Значит, ногу ему правильно твой помощник сложил, – неожиданно припечатал Горимысл.

Гавриле Петровичу осталось, прикусить язык.

– Приговариваю: Илюшку из лекарни забрать. Друг дружку потравите – ладно. Людей последних ведь изведете. Знамо, медикус за свою правоту ни здорового, ни больного не пожалует. Ни старого, ни...

Малого, – закончил про себя Илья, – по тому что не было детей в благословенном городе Дите. Отсутствовали. Если и проявлялись, исчезали тотчас. А свои? Женщины не родют, – поведал, забежавший в гости Мураш. И дальше на расспросы любопытного проявленца отвечать не стал. Не знает в чем дело, или не велено говорить? Разносить, так сказать, вредные слухи? Низь-зь-зья!

Все как дома. Там тоже долго было низь-зья. А когда стало зя, голодный желудок и больная совесть заставляли пахать, а не заниматься трепом.

Навалилась каменная усталость. Илья стоял, глядя в одну точку, и тупо мыслил: жизнь в городе Дите и не жизнь вовсе. Сбил его тогда пьяный грузовик. И попал-таки грешный доктор

в Ад, где нудно, пыльно, волгло, муторно... и вечно. Однако вон же – умирают. Ну, это те, кому особо повезло.

– Очнись, Илюшка, – прогремело над ухом. – Ступай за мной.

А на улице, когда выбрались из влажной духоты:

– Пондравился ты мне. Будешь при комиссии сидеть, хвори определять.

Душа, ловившего каждое слово лейб-медика, явственно поползла в пятки, по пути освобождая от себя организм. Личико на глазах сморщилось, будто шарик сдули. Руки повисли. А там и весь он отстал.

В гору поднимались неспешно. Впереди, естественно, Горимысл. За ним – свита, в хвосте которой терялся Илья. Он быстро устал. Стало жарко. Пришлось снять куртку и нести в руках. Тошнило. Мысли объявлялись отрывочные и не вполне логически безупречные. Пондравился? – это как? Это что? Горимысл свет Васильевич, так, укрепляет свои позиции против Хвостова? Или честно болеет за дело? Правдоподобно и от того опаска пробирает. Видели, знаем, плавали. Как выручил-поднял проявленца, так и скормит его при случае. Не жалко. Кто Горимысл и, кто Илья? А если «пондравился» и есть главный аргумент, от которого все танцует в городе Дите?

Ну, попросят тебя, присмотреть за Хвостовым: что сказал, что сделал; компромата накопить...

Какая же, хрень в голову лезет! Это – инфекция, не иначе. Должно, от лейб-коновала заразился – подлючесть кудрявая, передается при словесном контакте, распространяется на не привитых. Привитые переносят в легкой форме, исключительно молча.

Так, о чем я думаю? О человеческих ценностях? Браво! Ташусь в мэрию города Дита, находящегося согласно описаниям, где-то в шестом круге Ада, и размышляю о подлости. Вы, г-н Донкович, рехнувшись? Или все же не Ад? Значит – выжить! Зубами прогрызть дорогу назад. А если придется – по трупам?

Илья остановился. Комиссия уходила. Следовало отдышаться. Предыдущая мысль канула. Он не стал ее догонять. Не захотел?

Или время не пришло?

Мэрия располагалась в здании из трех этажей – поверхов – как отрекомендовал Горимысл. Новому эксперту показали его комнату. Казематик с узким оконцем под потолком даже умилил. Три недели в людной палате под стоны увечных и храп Гаврилы научили ценить одиночество.

Провожатый, объяснил насчет ужина: вечером на раздаче получишь свою порцию, день нынче не присутственный, так что, обеда не положено. Фиг с ним, решил Илья и, наконец, во исполнение своей первой в городе дите мечты, разделся и завалился спать в настоящую, хоть и жесткую постель.

Первые дни в мэрии прошли под непрерывные вопли Хвостова. Случись, комиссарской воле воплотится в материальную силу, от Ильи осталась бы куцая горка пепла. Но Горимысл веско укоротил сутягу, дескать, дохтур прошел большинством голосов. Решили: будет эксперт в комиссии. Не хочешь подписывать – твое дело. Крики поутихли. Хвостов, разумеется, не примирился, но на время оставил попытки выжить Илью.

Дело, к которому его определили, оказалось не пыльной, муторной, как утро рабочего дня синекурой. Илья быстро заскучал. А заскучав, приступил к расспросам. Устройство здешнего мира, /если оно – мир/ему так никто и не растолковал. Похоже, сие не очень интересовало здешних невольных поселенцев. Живут себе, и живут. Крыша над головой есть. Каша – два раза в день. Дома жены отдельные еще чего сготовят. Дело исправляют. Вон опять проявленец попался, а что на решетку кидается, так то от испуга. Погоди маленько, дни через три в себя придет. И приходили. Отвечали на положенные вопросы. Если Илья просил, раздевались,

показывали раны или увечья. На дальнейшее его юрисдикция не распространялась. Илья как-то заметил на одном до посинения испуганном мужичке вшей.

– Не плохо бы санитарную обработку провести. Хоть помыть его.

– Ништо, – отозвался Горимысл. – Сами сдохнут. Заметил, аль нет? Ни тараканов тут, ни мышей. А какая и забежит, так то – проявленка. Ее велено ловить и Иосафат Петровичу сдавать. Он распорядится.

– Вы их убиваете?

– Придумал тоже. Зачем скотину губить? Господин Алмазов к себе тварь забирает. У него они живут, а кои и расплождаются.

На вопрос, кто такой г-н Алмазов, тот же Горимысл коротко бросил:

– Сам увидишь.

Потом Илья докопался до приходных книг – гордости Иосафата Петровича. Почерк председателя трибунала имел ровный и убористый. Но в тексте наличествовали элементы дореформенной письменности. Яти и ижицы страшно мешали при чтении. Илья не сразу приновился. Зато через некоторое время уразумел: численность населения Алмазной слободы города Дита была практически постоянной. В месяц проявлялось от трех до пяти человек. Такое же количество погибало на очистных работах и в других передрыгах. К тому же, периодически собирались этапы в отряды. Осужденные на такую суровую меру ждали отправки в тюрьме.

Илья спросил о летосчислении. Ему пояснили: ни к чему сие народу. Сколько же лет здешней истории? – не унимался Донкович. А бес его знает. Выяснилось, раньше счет нет-нет да вели. Но периодически наступало лихолетье: то моровое поветрие, то нашествие диких тварей с суши, то обрывался приток проявленцев. Слобода вымирала мало не вся. Народ начал роптать. В воды реки, традиционно, летела городская верхушка. Ее место тут же занимали выборные. Они и начинали отсчет новой эры.

На другом берегу сучилась Игнатовка. Две слободы соединял монументальный мост. Его, как понял Илья, пытались однажды снести. Не получилось. Строили в древние времена города Дита основательно. После неудачной попытки разрушить единственную связующую коммуникацию, власти с той и с другой стороны постановили: держать на мосту приграничную стражу. Переход из одной слободы в другую оговаривался отдельно: если человеку, преследуемому толпой, удавалось вбежать на мост и там, отбившись от гонителей и стражи, добраться до середины, он принимался в сопредельную слободу. Дальнейшее его ждали непременно карантин, отдельное поднадзорное поселение, отказ в любой должности, кроме общих работ. Человек годами числился в подозрительных. На него частенько сваливали вину, и он с очередной партией уходил в отряды. Наверное, именно поэтому беглецы с Игнатовской стороны случались чрезвычайно редко. А из Крюковки и того реже. Однако тамошний режим считался менее враждебным, и такие перебежчика, как, например, Ивашка, могли претендовать на лояльное отношение властей.

Кроме того, существовала особая категория насельников – снулые. Илья заподозрил, что они-то как раз и составляют большинство. Многие люди вскоре после проявления начинали утрачивать яркую индивидуальность. Иногда в течение нескольких даже дней. Некоторые чуть дольше придерживались собственной культуры, но и они очень быстро превращались в неотличимых друг от друга обитателей дальних кварталов. На них, будто, ложился пыльный, серый налет. Метаморфозы, однако, на том не заканчивались. Со временем такие проявленцы превращались в подобие людей: ходили по улицам, исправно два раза в день являлись за пищей, но никогда, ни с кем не говорили и не работали. Они всегда поодиночке бродили среди каменных коробок, далеко, впрочем, от собственного жилища не удаляясь. Они не умирали, но и не жили. Снулые – одним словом.

Илья поинтересовался у Горимысла формами правления в соседних слободах-государствах.

– Соседи? – грозно переспросил тот. – Вороги! В Игнатовке анквизиция правит. Там все по струночке. Шаг в сторону – костер. В Крюковке паханы суд вершат. Ни закону, ни порядка. Одно татъство.

Может, и прав был Мураш, Илье действительно повезло с местом проявления. А с другой стороны, попади он на тот берег реки или на остров, про Алмазовку ему наговорили бы еще больше страстей.

Проверка лекарни прошла бурно. В комиссии кроме Ильи значился Лаврентий Палыч Хвостов. Илья подозревал, что тот назвался так уже здесь, после проявления. Вполне могло стать, дома он носил куда менее известное имя. Тогда почему, например, не Владимир Ильич, или Иосиф Виссарионович? Кишка тонка? А фамилию решил наследственную оставить...

Для начала Хвостов отказался от Ильи, который был ему придан в качестве эксперта. Бледные, посеченные вертикальными морщинами, щечки особиста затвердели. Лихорадочно заблестело единственным стеклышком пенсне.

– Не проверен в деле! – проорал Хвостов.

– Вот и проверишь, – меланхолично отозвался Горимысл.

– Ранний проявленец без твердой идеологической платформы не сможет разобраться и вынести политически верное решение. Я это заявляю вам как ответственное лицо, как член трибунала, как коммунист, в конце концов.

– Что?! – взревел Горимысл. – Опять про свою веру речи завел? Последний раз от тебя слышу. Меня и господин Алмазов упреждал: начнет Лаврюшка агитировать, докладай немедленно. На спрос пойдешь. Твое счастье, зловед, что обращенных нету, – да и кто за таким дураком пойдет?! – но хоть про одного узнаю, орудовать тебе тупым крюком на очистке.

Угроза подействовала. Хвостов не противился больше, присутствию Ильи при проверке. За то потом, когда Донкович написал заключение, выводы и рекомендации, на отрез отказался подписывать. Документ он обозвал грязной, провокационной клеветой на организацию медицинской помощи во вверенной ему слободе. И опять, как оказалось, зарвался.

– Не тебе вверенной – господину Алмазову, – поправил Иосафат Петрович, что-то быстро строча в листочек.

Хвостов заткнулся. Но так ничего и не подписал. Горимысл с Иосафатом переглянулись, сочувственно покивали Илье и спрятали, исписанный мелким подчерком папир, под скатерть, покрывавшую стол заседаний.

Однажды Илье высыпали в горсть пригоршню монет: медяки, да одна бледная, похожая на рыбку чешуйку серебрушка. Жалованье, – пояснил Иосафат Петрович. Илья с чисто нумизматическим интересом перебрал денежки. Куда их девать, было решительно не понятно. В слободе, конечно, существовал торг. Но что там покупать? Грубую деревянную мебелишку? Старую одежду с чужого плеча? Продукты? Илья спрятал деньги подальше. На сегодняшний день у него и так был необходимый минимум.

Выдававшаяся два раза в день, казенная каша почти ничем не отличалась от больничной, разве была чуть сытнее. В ней больше попадалось вкусных сереньких кусочков. Илья уже не морщился как в первый раз, когда узнал, что сие не мясо, а щупальца все той же монстрицы, добытые во время очистных. Вся слобода ими питалась. Илье она представлялась гигантским осьминогом, точнее – многоногом, у которого отсеченное щупальце отрастало чуть ни на глазах.

Сама тварь обитала у решетки, запиравшей единственный выход за стену. Река, – с ума сойти! – как и везде впадала в море. Для чего нужны стена и решетка? – спросил Илья.

– Это что бы твари, которы больше Сторожихи, не заплзли в город и не пожрали людей.

Со слов Иосафата, заплыть в реку и пролезть по отвесной стене парапета для морских гадов труда не составляло. Откуда знает? Знает! Но чувствовалось, говорит с чужих слов. Мел-

ких деталей, которые так оживляют рассказ очевидца, ему как раз и не доставало. Монстры и монстры. Воображение Ильи, разумеется, дорисовало, недостающие крылья, ноги и хвосты, но разум осадил: может, и чудищ-то никаких нет. А есть страшилка, чтобы за стену не лазили.

Решетка периодически забивалась илом. Уровень воды в реке начинал подниматься, и тогда с обеих сторон из Алмазовки и Игнатовки на очистку ячеек выставлялось две команды. Воду выше по реке отводили в систему каналов и искусственных озер.

Когда обнажалось дно, людей спускали на платформах к самой решетке, и они длинными отточенными по загибу крюками выворачивали комья ила. Тут и вступала со своей партией монстрица, она же Сторожиха, она же Большая Дура. Ей совсем не обязательно было плавать. Она и ползала неплохо. Опираясь частью щупальцев на дно, тварь просовывала остальные в ячейки решетки и ловила присосками людей.

Отбивались, конечно, до определенного момента. Тут важно было, очистить решетку как можно быстрее. Как только работа была выполнена, платформы с людьми отводили от решетки, и на нее подавался чудовищной силы разряд. Откуда?! – допытывался Илья. Да кто его знает, – без всякого интереса отозвался Иосафат. Горимысл, отмолчался. Вообще быстро ушел.

Отсеченные у Сторожихи, щупальца потом ела вся слобода. И не одна.

С очистных возвращалась, едва ли, половина людей. Из отрядов – никто. Однако болталась же на веревке рубаха из мягкого папира в первый день его проявления.

Илье иногда казалось – все сон. Когда страшный, когда скучный, когда даже занимательный: бесконечные перепирательства Хвостова со своими оппонентами и со всем миром... а рядом пустоглазые, пустолицые шулые. И никому ни до кого нет дела. Не велись беседы, в смысле отвлеченных разговоров. Общение сводилось к обсуждению последних новостей, качеству еды, редким сделкам. Сегодня есть, завтра – нет. Город без роду, без племени, без истории, без корней, без будущего. И сон без конца, который, возможно и есть смерть.

За что? А ни за что. Так повернулось. Никто, ни Тот что Сверху, ни тот что снизу, – если исходить из банальной теологической леммы, – участия в его судьбе не принимали. Так повернулось, – сказал Мураш. Ему легче. Там была простая как мычание жизнь. Здесь – то же самое. И все это надолго. На очень долго. Может быть, навсегда. Своей смертью тут почти не помирали. При известной доле везения, можно прожить века, – кто те века считал? – можно, наверное, и тысячелетия.

Существовал еще путь – самому оборвать эту бесконечную, серую нить, прекратить жить. Но Илья знал, он этого не сделает.

Доктор Донкович не был ТАМ набожным человеком. Не умом, подсознанием или чем-то еще, определяя для себя наличие Высшей Силы. Она не требовала внешней атрибутики. Просто была. Конкретизировать, докапываться до истоков, до генезиса, да просто праздно рассуждать о Ней он не любил. Слово «заповеди» Ильи тоже не любил. Привнесены ли они Вышними Силами или выверены \выстраданы \ человечеством после тысячелетий уничтожения себе подобных, для него значения не имело. Он принимал Их. Не без оговорок конечно. В жизни вообще нет ничего абсолютного. Просто и понятно любому: не убий, не укради... не наложи на себя рук. Ибо – каждому отмеряно по силам его, и каждый обязан испить свою чашу до дна. Да и просто любопытно, что будет дальше.

В какой-то момент Илья заметил, что его вопросы начали раздражать даже устойчивого как мостовой бык Горимысла. Ответы кстати следовали не всегда. Донкович продолжал копаться в приходных книгах и донимать окружающих. Хвостов уже не раз и не два тыкал в Илью хрящеватым пальцем, призывая соратников, изгнать из рядов провокатора.

А потом наступила полоса некоего безвременья. Ильи теперь много спал. Иногда он пропускал раздачу еды; когда призывали на заседание трибунала, боролся с сонливостью, вяло и неохотно исправляя свои обязанности. Еще с полдня потом в нем присутствовала некоторая

бодрость. Наступала ночь, за ней тусклый день, его опять клонило в сон, все становилось безразлично.

В одно из таких коротких пробуждений от жизни-сна, Илья заметил, что сильно опустился. И без того длинные, черные волосы отросли ниже плеч. Ногти теперь он обрезал редко и неровно. Одежда потихоньку ветшала. Он пытался ее стирать, но без привычного порошка и мыла получалось плохо. Рубашка посерела. Куртку он одевал редко, только в прохладные влажные, полные морских запахов вечера. Но выходить в такое время на улицу не считалось разумным. Крюковка – бандитской остров – конечно, была далеко за рекой, за заставами. Элемент оттуда набегал редко. Но и в тихой Алмазовке находились охотники до чужого добра. Пойманные с поличным, они, как правило, шли на очистку. До смертоубийства доходило редко. А по голове настучать, или там, сломать ребра – сколько хочешь. По местным меркам сия травма была не зело тяжкой. День два отлежисси и ступай себе, живи дальше.

Как-то, еще во времена бодрого существования, Илья задался целью: проследить путь по слободе, – в смысле жизненный путь, – хотя бы одной женщины, но натолкнулся на совершенно необъяснимую глухую стену.

Что женщины попадают в проявление гораздо реже мужчин, считалось аксиомой. Возможно, они чувствуют приближение временно-пространственной дыры и инстинктивно от нее ух уходят. Не в том дело. Те, кто попадал в проявление, после карантина, исчезали бесследно. А через некоторое время в приходном журнале Иосафата Петровича появлялась новая запись. Женщина, но не та, что проявилась – другая, поселялась в слободе. Как правило – старуха, чтобы доживать тут свой бесконечный век. Изредка – дамы постбальзаковского возраста. И совсем уже единицы – молодые, то есть, до сорока. Но количество увечий роднило этих женщин с жертвами массивной бомбардировки.

Таким образом, женщин было значительно меньше чем мужчин. Потому, видимо, в местной Правде имелся дикий по мнению Ильи, но рациональный и приемлемый для местного электората закон: все женщины общие. Принуждать их ко взаимности запрещалось. Их покупали. На время. У властной верхушки имелись отдельные жены. Так же, отдельная жена полагалась человеку, совершившему геройство во благо все слободы. У Мураша, вот, имелась отдельная жена. Но его Ивка мало, что страдала глухонемой, передвигалась только по дому. А и в своем уме отдельную жену на улицу выпустит? Н-да! Детям при таком раскладе взяться было действительно неоткуда

Попробовав копнуть глубже, Илья нарвался на стену молчания, потом сам не заметил, как стал впадать в сонливость и вскоре потерял устойчивый интерес не только к расследованию, но и к себе самому.

Круг общения ограничился Горимыслом, Иосафатом, да Лаврюшкой. Первого Илья даже не всегда понимал. Тот говорил о своей жизни ТАМ редко и с неохотой. Его воспоминания очень сильно отличались от познаний в области истории самого Ильи. Их беседы нередко заходили в тупик. Горимысл, например, упоминал известные в его время имена, о которых Илья не имел никакого представления. Горимысл начинал гневаться, и разговор обрывался. Иосафат был ближе по времени, но и с ним не ладилось, главным образом из-за дремучей ограниченности. Несмотря на житейский ум и сметку, Иосафат навсегда чугунно уверовал в незыблемость и правоту своих взглядов. О жизни в городе Дите он все знал «доподлинно» и менять свою точку зрения не собирался. Однажды Илья краем уха услышал пьяненькую тираду бывшего НКВДшника:

– ...передо мной. А я точно знаю: вра-аг! – вещал Лаврюшка, насосавшись местной, белой как ликер «Бэйлиз», слабенькой браги. – Выстрелю в него и перешагну.

И так невеликое общение после этого вообще оборвалось. Один дед Ильи погиб в лагере в тридцать девятом. Второй отсидел в общей сложности одиннадцать лет. Илья генетически не переваривал племя вертухаев.

Подползал вечер: пыльный, душный, влажный и пустой как помойное ведро. Илья выбрался из присутственных хором на задний дворик. Мэрия угнездилась на вершине холма. Со ступенек открывался широкий обзор. Было бы видно еще дальше, кабы не стена. Кто ее поставил, и каких трудов стоило строительство? От тварей обороняться? Иосафат как-то просветил Илью:

– Тебе должен быть известен зверь черепаха.

– Зверем не назову – тварюшка, в ладони уместится.

– Это ты не равняй. Не равняй. Здешние поболе нашей домины станут. На спине человек тридцать может унести. Языком овцу слизывает. Говорят, раньше их растили и к службе приучали. Ездили на них по морю. Ни левиафан, ни спрутица, ни волкомор на них нападать не могут. Но искусство, управлять сим чудом, утрачено. От того и выход к морю заложен. Ибо дети черепахи так же страшны и человекоядны как остальные обитатели пучины.

Миф конечно. Странно, что он вообще имеет хождение в культуре напрочь лишенной интереса не то что к собственной истории, да, просто, к ближнему.

Кроме стены виднелся краешек Игнатовки. Тамошние обитатели называли свою слободу городом Святого Игнатия Лойоллы. С остальными районами города Дита они себя не объединяли, считая всех внешних жителей не-то химерой, не-то выморочкой. В прошлом игнатовцы не раз предпринимали попытки захватить сопредельные территории. Их частью отгоняли, частью топили. Попытки, как поведал Горимысл, давно не повторялись. Смысл, спросил Илья? Что захватывать и присваивать в благословенном городе Дите? Горимысл пояснил:

– Веру свою несли, желая обратить в нее все окрест.

Отбив последнее нападение, городской совет Алмазовки постановил, все разговоры на религиозные темы запретить. Каждый теперь имел право на собственные убеждения, но молчком. Упоминание имя Божия, как то: Христа, Будды, Аллаха, идола ли, и даже их атрибутов карались от замечания на первый раз, до штрафа.

Давно Илья так много и связно не думал. В последнее время мысли подернулись туманом. Будто, он лежал на дне медленной ленивой реки, безразлично глядя в надводный мир. Жизнь уподобилась вялой гусенице, которая пробирается вверх по листу, чтобы погрызть его край, поддержать в себе иллюзию жизни /если оно жизнь/...

Даже гигантская стена в последнее время перестала занимать. В первые дни он пытался влезть на крышу, вдруг оттуда разглядит море. Увидеть бы хоть краешек, хоть дымку над водой...

Кто б ему дал! Ивашка, размахивая незаряженным пистолетом, так орал, что выполз из дому даже, не склонный к суете, Горимысл; постоял, покрутил головой и непререкаемо велел вернуться; после, нехотя, пояснив:

– Не велено. Сиди тут.

Вечером ходить не велено, с людьми говорить не велено, на крышу и то нельзя! Изоляция! Илья возмутился. На что Иосафат завел пространную бодягу насчет преступления и наказания – от штрафа до вечного забвения. Горимысл отмолчался, да отвел глаза, так что стало понятно – приказ. И он, то есть, Горимысл, ничего с сим поделать не может.

Зато спалось теперь одинаково крепко и днем, и ночью. Илья не мог вспомнить, когда прежде проводил во сне по восемнадцать часов. Иногда и больше выходило. Просыпался, ел кашу с местным аналогом кальмаровых щупальцев, вяло шел в присутствие, отсиживал там положенное время, опять ел; вечером, да и то не всегда выбирался на задний дворик, чтобы подышать неподвижным душным воздухом.

Вдруг захотелось, как герой истерик в старом фильме, схватиться за кудлатую голову и заорать: «Опоили меня! Опоили!»

Да кому оно нужно-то?!

Его властно клонило в сон. Сейчас он спустится в полуподвальный этаж, найдет свою коморку, накинёт крючок, и – на боковую. Пусть та жизнь, которая совсем не жизнь, продолжается сама собой, вне его. Можно и совсем не просыпаться

Илья завозился, тяжело поднимаясь с низкой ступеньки, кое-как распрямил трескучие колени, по инерции глянул на стену, даже не глянул – скользнул глазами. Серое небо, отороченное снизу черной зубчатой каймой...

Он чуть не упал, зацепившись за собственную ногу, да так и замер в неудобной позе. За краем стены сверкнуло. И через длинный-длинный миг – еще. Потом еще. Илья встал, покачиваясь в такт толчкам крови. В голове вертелась карусель. Желудок скрутило.

А за стеной между тем всего-навсего пускали ракеты. Обыкновенные! Сигнальные, или какие они бывают. И ведь, наверное, никто больше не видел.

Лучше бы шел, куда собирался. Мысль бешено завертелась, сбивая с ног.

Никакого проявления не было! Его похитили. Похитили? Он что политик, финансист, эстрадная дива? Ну, допустим... но зачем? Эксперимент – в равной степени страшный и странный... завезли черте куда, посадили за стену, сделали жителем города, которого не бывает. А за стеной вон – люди сигнальные ракеты пускают, электричество, цивилизация! Но и спрутица есть. Если допустить...

На этом мысленный паводок иссяк. Вымотанный запредельным усилием, Илья тупо уставился на ступеньки.

Никуда не ходить! Лечь прямо тут и проспать до самой смерти

Он так и поступил, свернулся клубком, подтянув колени к подбородку, подышал на, вмиг озябшие руки, и начал проваливаться в спасительное забытие. Завтра – если оно наступит – он примет, все происшедшее, за мару.

Его тащили. Вокруг было светло. Голова как свинцом набита. И вдруг четко до самого дальнего уголка мозга достал голос:

– Вы, господин Алмазов, не сумлевайтесь, до утра очухается.

– Он мне сейчас нужен. Приведите в себя. И больше никаких снадобий.

Глава 3

Пробуждение оказалось мучительным. Только-только очнулся и сразу понял, делать этого не стоило. Вспышкой заболела голова. Тело растеклось ноющей аморфной массой. В животе ухало. Собрав в кучку все проявления собственной жизни, Илья наконец ощутил себя как единое целое. Полежать бы еще, очухаться. Но в сознание буравчиком ввинтился голос Иосафата:

– Придется за Гаврюшкой в аптеку посылать. А и ни к чему бы. Чего ты, душень, ему вчера намешал?

– Что дали, то и насыпал, – ответил истеричный голос Ивашки.

– А скока?

– Скока, скока? Все!

– Очумел, лишенец?!

– Я нечаянно.

– Если он помрет, ты на спрос пойдешь.

– Я ж, Иосафат Петрович, как лучше хотел.

– Я гляжу, ты все время как лучше хочешь, а получается, как всегда. Ой, плачут по тебе отряды, не к ночи будь помянуты. Ой, плачут!

– Мне в аптеку бежать?

– Погодим пока. Вроде зашевелился.

Илья будто смотрел в залитый глицерином объектив. Изображение смазывалось по краям, выпячиваясь в середине. Белым непропеченным блином всплыло лицо Иосафата, за ним – блинчиком поменьше – Ивашки.

– Очухался, слава ...

– Кому?! – перебил вертухай, но уловить на крамолу хитрого трибунальщика не получилось.

– Слава господину Алмазову, говорю. А ты чего подумал?

– Помстилось, – хмыкнул Ивашка.

– А ведь ты точно на спрос пойдешь. Я тебе то твердо обещаю. Думай теперича, че врать будешь.

– Мне врать нечего. Я приказы исполнял. Как велели, так и делал.

– Ага. Побрыкайся, побрыкайся, крюковское отродье!

– Мне Лаврентий Палыч сказал, чем больше порошка насыплю, тем быстрее дело пойдет.

– Вдвоем, значит-ца, ладили дохтура извести? А знаешь ли, что господин Алмазов в нем большой интерес имеет?

– Для чего?

– Пспрашай мне еще, сволочь бандитская!

– А вы не попрекайте!

– Выкатывайся, давай отседова! – последовал категоричный приказ.

А, поскольку оппонент не проявил должной прыти, председатель трибунала надал:

– Катись, говорю. Дверь закрой! И, чтобы не подслушивал. Вали, кому сказано!

– Я приказ имею, ни с кем наедине болящего не оставлять, – нагло заявил Ивашка.

Илья скосил глаз. Рука мятежного вертухая лежала на кобуре. Но Иосафат не забоялся.

– Ты за пистоль-то не хватайся, а то я те им же всю рожу раскрою. А Лаврюшке можешь передать, что я его приказ своей волей отменил.

– Не понял?! – Ивашка бесстрашно выставил вперед ногу.

Но пойдя на бунт – просчитался. Из рукава Иосафата Петровича вылетела круглая гирька на резинке, коротко ткнула охранца в грудь и юркнула обратно. Ивашка склонился, хватаясь

руками за ушибленное место. Иосафат же, пользуясь временной беспомощностью супротивника, взял его за шиворот и выкинул за порог. Дверь уверенно чмокнула. Кованый крючок запал на петлю.

– Чего уставился? – недовольно рявкнул Иосафат, но заглянув в безразличные глаза Ильи, добавил уже спокойнее, – Ивашка-то на меня доносить побег. Если ты покажешь про кистень, меня на спрос потянут, если не покажешь – его. Хотя, ты шас ни имени своего, ни прозвания не вспомнишь, пожалуй. На-ка хлебни,.. да че ты упираешься-то? Не отравы, чай – снадобье местное от любой хвори помогает. От твоей – тоже сгодится.

Остро пахнувший, теплый настой потек в рот.

– Во-во попей. Двое суток вокруг тебя маемся. Занадобился ты, виш, зачем-то кормильцу нашему. Слышишь меня, аль нет?

Ситуация, наконец, окрасилась некоторым смыслом. Или антидот начал действовать? Мысль пошла свободнее. И тут же возник занудный вопрос: для чего сам местный владыка пожаловать собирается? Зачем ему безвестный недавний проявенец?

Г-н Алмазов представлялся Илье в виде восточного сатрапа из пионерской сказки: толстый, обтянутый парчовым халатом живот, черная курчавая борода... сим-сим-селябим... или сим-сим-откройся?

Снадобье оказалось настолько эффективным, что даже Иосафат повеселел. Разглядел благодетель, что проявенец уже и помаргивает, а не тарашится в одну точку. Озирается, значит, пришел в себя. Хитрый купчина поспрашал немного болящего: чего тот во сне видел, да не слышал ли голосов. Ильи отозвался в смысле: не знаю, не ведам, спамши; а для большего напущения тумана спросил, что с ним случилось. Иосафат, как никогда кратко, пояснил: солнечный удар пополам с поносом. Тут де такое бывает.

Когда требовательно заколотили в дверь, сознание бывшего доктора, бывшего проявленца, бывшего эксперта, а теперь незнамо кого, окончательно просветлело. Он отчетливо воспринимал окружающее, слышал, видел, осязал, мог составить логическую цепочку, и уже робко начинал анализировать.

Явление г-на Алмазова опровергло скоропалительные предположения Ильи. Слегка полноватый, но подтянутый, подвижный субъект быстрой четкой походкой двинулся от двери к топчану.

Никаких местных ремков. Никакой ностальгической одежды. Белая мягкая ткань из необработанного папира, оказывается, прекрасно годилась на рубашки. Брюки из нее же. Все сшито совсем недавно. Свеженькое, чистое. Очки – скорее встретишь рогатую кошку, нежели такие очки в мире теней – дорожные полихромы в еще более дорогой оправе. Впрочем, они, скорее всего, остались от проявления. Кожа век темнее, чем на щеках. От придуманного «сатрапа» – вообще ничего.

Г-н Алмазов некоторое время рассматривал распростертого на топчане человека, но заговорил, только поймав осмысленный взгляд:

– Здравствуйте, Илья Николаевич.

Никаких сомнений – современник или около того. Сохранный. Снулости в помине нет. И тут же вихрем, обвалом – надежда – за стеной настоящий мир. А каменно-пыльное средневековье – все-таки эксперимент, похищение, киднэпинг, просто розыгрыш, в конце концов. А цена? – пискнул ехидный скептик, вечно живущий внутри. Заплачу, – твердо решил Илья. Сделаю все, что потребуют.

Подумал и тут же осекся. Не все, ох не все! Во-первых, для Ильи существовали некие глубины зла, на которые он никогда не опустится. Во-вторых, ему могут вообще ничего не предложить. Шас г-н Алмазов спрос изладит и отвалит к себе, оставив Илью догнивать тут.

– Вы меня слышите? – чуть повысил голос визитер.

– Да.

– Очень хорошо. Жаль, что наша встреча не состоялась раньше. Избежали бы массы неприятностей. В определенной степени конечно. Вы в состоянии связно говорить?

– Да, – Илья сделал попытку приподняться. К нему по мановению г-на Алмазова тут же подскочил красный и потный от верноподданнических чувств Иосафат, ухватил за плечи, уложил бессильное тело на топчан. Г-н Алмазов без улыбки, но, впрочем, поощрительно покивал Иосафатову рвению. Тот, слегка приклонившись, отступил. Еще бы беленькое полотенчишко через руку перекинуть – чистый халдей.

Визитер тем временем переводил взгляд с болящего на остальных участников сцены. Иосафат пыхтел в непосредственной близости, чуть поодаль топтался Ивашка. Уловив заплечный взгляд начальства, вертухай вытянулся в струнку. Однако приговор был краток:

– Все вон!

– Но как же... он же... – проблеял Иосафат, и получил в ответ холодный взгляд сквозь полихромы. Ивашка, перестукивавший копытами в углу, и того не удостоился.

– Ну! – слегка наддал Алмазов.

Не зло, разве с легким холодком: мол, не видите разве? Мол, прошу оставить. А они ему тоже молча, но в крик: да как же мы вас, дорогой и горячо любимый, одного... да неизвестно на кого оставим-то, хоть и знаем его как облупленного. А вдруг злоумышляет?

Илье неожиданно вспомнилось из ранней молодости – визит Леонида Ильича в Баку. Для старого больного человека, уже разучившегося самостоятельно ходить, говорить и понимать, такая поездка была героическим поступком. Его и приветствовали как героя: демонстрациями, флагами, ораториями в исполнении детского хора. Преданность и любовь всенародную демонстрировали не просто словом – всем видом, поскольку вербально, так сказать, уже не доходило. Для того застойно-маразматического времени – вполне понятно. Хоть, все равно, непристойно.

Ни фигу ты, Илья Николаевич, в жизни не смыслишь. Не в данной конкретной жизни города Дита, а вообще, то есть – масс человека. Чего это тебя вдруг с души поворотило? И лицо попроще сделай. Держись с достоинством и с почтением. Вон Иосафат пятится за порог, сейчас запнется, а Ивашка уже за бортом. Вынесло вертухая. Дверь аппетитно как давеча чавкнула. Закрылась.

– Примитив, – коротко отрекомендовал ушедших г-н Алмазов. – Теперь, когда они исчезли, можно и поговорить.

Илья еще раз попытался приподняться, но оставил – ни к чему, в сущности. Г-н Алмазов, не обращая внимания на его возню, начал прохаживаться из угла в угол, обдумывая с чего начать, а ничего не придумав, предложил инициативу собеседнику:

– Ни о чем не хотите меня спросить?

– Это похищение? – выпалил Илья.

Собеседник озадаченно глянул на беспомощного человека:

– Поясните.

– Город Дит, стена, чудовища... проявление – инсценировка? – Илья говорил все менее уверенно. – Перфоманс? Эксперимент?

– Какой экс... ах, вот вы, о чем! Сразу вас разочарую: никаких экспериментов и тем более перфомансов. Все так и есть – город Дит, со всеми вытекающими из него последствиями.

– Но это чудовищно, – Илья чуть не застонал. До сих пор в его душе теплился крохотный огонек надежды. – Если бы... если...

Под взглядом г-на Алмазова словесный поток иссяк.

– Если, уважаемый Илья Николаевич, отпадают. Мы оказались в иной реальности. Как, никто не знает – физика-мистика. Ха-ха. Но причина в данном случае значения не имеет. Мы уже здесь, и каждый по мере сил и возможностей должен вживаться. От самого человека зависит, как он устроится.

– Я вот устроился, – пробормотал Илья. – Лучше не придумаешь.

– Для начала очень даже неплохо. Новички часто по незнанию нарушают какие-то местные уложения, и как следствие – наказание: от порицания до высшей меры.

– Я, представьте, считал, что тут у вас мораторий на смертную казнь.

– У нас, дорогой. У НАС. В нашей части города она, действительно, редкость, зато у соседей вполне обыденна.

– Как же они не вымерли до сих пор?

– Вымирают, поверьте на слово. В районе, именуемом Игнатовкой, численность населения в три раза меньше чем у нас, на острове – в пять. Но я пришел поговорить не об этом. Поверьте, у нас еще будет время, чтобы обсудить демографическую ситуацию в городе. Меня другое интересует, – г-н Алмазов уже не расхаживал; встал против Ильи и ласково, но в тоже время по-отечески требовательно посмотрел ему в глаза:

– Скажите, какой вы врач?

– Хороший – машинально откликнулся Донкович.

Его смутил тон, которым был задан вопрос. Собеседник иронию уловил и не одобрил:

– Я не о том вас спрашивал, – тон к концу фразы повысился, как индикатор надвигающегося начальственного гнева. – Врач по глазам, по ушам?

По ушам лупят, – хотел сказать Илья, но вовремя спохватился и тут же про себя охнул: а современник-то вульгарно темен. А еще очки надел.

– Хирург, – ответил, чтобы не усугублять.

– Хорошо! – г-н Алмазов заметно оживился, опять протопал туда-сюда, потер ладони. – Хирург, да? Людей режете? Ха-ха.

– Режут в подворотнях. Я оперирую.

– Шутка, шутка. Не обижайтесь. Но слышал я раньше, конечно, не здесь, что и среди хирургов есть разные. Ну... по ногам, по животу. Вы понимаете?

Черте что, – пронеслось в голове у Ильи. Говорит чисто, фразы интонирует прекрасно. Прямо – дипломат, мать его. Но как только уходит от общих слов, несет полную околесицу.

– От подмышки до лодыжки, – без всякого почтения отозвался Донкович.

– А? Да. Мне докладывали.

– Я писал в отчете по больнице.

– Когда?

– Давно, месяц назад.

– Да? Ах, да! – поспешно согласился г-н Алмазов.

Впрочем, было видно, согласился, лишь бы поддержать реноме местной власти. Не пошел отчет по инстанции.

Лицо г-на Алмазова, между тем, несколько посуровело. Он уже не улыбался. Твердо легли глубокие носогубные складки. Побежит распекать нерадивых подчиненных? Но г-н Алмазов вдруг выкрикнул:

– Инструменты?!

– Не понял.

– В инструментах разбираетесь?

– Конечно.

– Можете нарисовать и подробно описать, чтобы местные умельцы смогли изготовить?

– Думаю, да.

И тут же, от резкого тона почти без перехода – в улыбочку:

– Ну а что вы думаете о городе как таковом? Как вам нравится здешняя атмосфера, политика, культура?

Мультира! Чем дальше, тем меньше Донковичу нравился собеседник, кстати, так и не представившийся полным именем. И скачки от мягкой задушевности до коротких рубленых фраз не нравились. Игры мы тут кабинетные играем! Мелкополитические умения демонстри-

руем! Илья начал закипать. И опять же – для чего?! Напугать, прижать, прощупать? Не проще ли спросить в лоб? Но так, видимо, привычнее.

А г-н Алмазов в очередной раз без предупреждения сменил тему, будто и не ждал ответа на свой вопрос. Да и с какой бы стати его интересовало мнение недавнего проявленца?

– Клятву советского врача давали?

– Гиппократ, – поправил Илья.

– Пришлось мне однажды присутствовать у себя в республике... – начал было собеседник, но осекся, «внутренне» задумался, даже снял для усиления эффекта очки. Кожа вокруг глаз действительно темнее, что при вполне европеоидных чертах придает лицу недовосточный вид. Опять очки водрузил. Илье стало тошно. Бред! На кой хрен затевать интриги в городе Дите? Данте отдыхает. Спросить, что ли засланца хозпартактива об авторе Божественной комедии? Вдруг не поймет и обидится?

– А не случилось ли вам, Илья Николаевич, нарушать клятву? Не случилось? А? Ну-ка, как на духу!

– Нет, – спокойно отозвался Илья.

– Что, ни разу? Неужели так и не поддались соблазну?

– Какой соблазн, в чем? В преступлении? В безразличии? В подлости?

– Ну, зачем так категорично. Клятва не уголовный кодекс, хотя кое в чем соприкасается. Так все же – не приходилось?

– Нет.

– И денег никогда у больных не брали?

– Брал, когда давали.

– Вот!

– Ничего это не значит. Лечил то я их честно. За лечение брал, а не за липовые больницы.

– В законе, насколько я помню, такое именуется поборами. Даже цветы одно время было запрещено брать у пациента благодарного.

– Вы из какого года прибыли? – тоном Остапа Бендера спросил Илья.

Г-н Алмазов замер, быстро что-то просчитал в уме и только потом ответил:

– Из восьмидесят седьмого. Какое это имеет значение?

– Не успели, значит, пожить при стихийном капитализме. Меня, например, перед самым проявлением главный врач распекал за то, что в отделении держу неплатежеспособных пациентов. Юноша позднего институтского разлива не мог понять, как это я за даром кого попало оперирую.

Г-н Алмазов переваривал информацию несколько дольше, чем она того заслуживала. Илья не торопил. В сущности, ответ уважаемого местного администратора его не интересовал вовсе. Отдумавшись, г-н Алмазов подошел к Илье и чуть склонился:

– Что ж, так даже проще. Упертый совок меня меньше устраивает, нежели образованный, талантливый, умный, знакомый с нормальными житейскими законами собеседник. Я вам предлагаю работу, а взамен... как бы сказать...

– Вернете меня домой? – в голосе Ильи против воли проскользнули просительные нотки.

Собеседник уловил, весь как-то смягчился и даже потеплел:

– Перенести домой вас может только волшебная сила. Хотя давайте сделаем такое допущение.

От его слов закружилась голова, и ухнуло сердце. Вернуться к нормальной жизни: машины, водопровод, обертки от жевательной резинки, поцелуи на мосту. А за это... что? Убить кого-нибудь? Украсть? Нет. Речь ведь шла о работе.

Илья всмотрелся в лицо своего визави и постепенно нащупал в нем то, что пропустил, не увидел за собственными переживаниями. Бессознательно, но отчетливо как в первый день проявления: его никто не вернет домой. Отсюда возврата нет.

Но могут посулить. Обязательно посулят. Уже посулили

Собеседник врать не стал; просто и по-деловому пояснил:

– То, что я вам предложу, не очень будет походить на вашу жизнь дома. Хотите, расскажу, как вы там обретались? Трехкомнатная хрущевка. Учитывая смену времен, возможно чуть лучше, но не на много. Квартира улучшенной планировки?

– Сталинская застройка в центре, – вяло откликнулся Илья.

– Если с хорошим ремонтом, то – вполне, – в голосе г-на Алмазова появилась толика уважения. – Дети: один – в институте. Возможно, и сам поступил. У таких, как вы дети, как правило, учатся неплохо. Но не исключено, что пришлось маленько помочь отпрыску. Ладно, не имеет значения. Второй – в школе. Жена работает вместе с вами. Хотя всегда были врачи способные содержать неработающую жену. И не одну. Вы не из них.

С этим осталось только согласиться.

– Значит, оба день и ночь на работе. Редкие минуты отдыха. Редкие поездки всей семьей на море, – так, кажется, говорят: на море? – когда обломится бесплатная путевка в пансионат. Или дикарями. Хорошее слово. И каждая радужная бумажка на счету. Яхта, что дразнится на горизонте, недоступна. Приличное место в приличном санатории – тем более. Даже на скутер для младшего денег нет. Еще забыл: машина. Копейка или шестерка?

– Тойота.

– Наверное, роскошь, – прозвучало со вкусом. – Если я не во всем прав, то уж во многом – точно. Так вот, перенести тебя, – г-н Алмазов вмиг погрубел. Тыканье неприятно покорило Илью. Когда Горимысл говорил «Ты», было понятно, нормально и даже приятно. Когда тыкнул господин Алмазов – захотелось напомнить, что вместе они отнюдь никого не пасли, и вряд ли придется.

– Перенести тебя в твой мир я не могу. Но сделать твою жизнь здесь вполне сносной и даже приятной – в моей власти. От тебя взамен потребуются определенные услуги.

– Какие?

– О них разговор впереди. Если ты согласишься.

– Не велено сообщать? – Илья не скрывал издевки.

Г-н Алмазов отмахнулся от неуместной иронии как от мухи:

– От тебя потребуются профессиональные навыки, для выполнения кое-каких специфических операций.

Никак, г-н Алмазов задумал кастрировать вверенную ему слободу? Вполне в духе примитивного рационализма – усекновение яиц, в качестве альтернативы отрядам. Хотя для такого и Гаврюшка сгодился бы. Работа как раз по нему. Но, глянув на собеседника, Илья осекся. Нечто иное туманило взор местного головы. Более грандиозное. Они что тут экспериментировать на людях собираются? В памяти некстати всплыл старый английский фильм: голова человека пришта к телу кабана. Жутко было в детстве до истерического хохота.

– Эксперимент? – осторожно поинтересовался Илья.

– Можно и так сказать. Только хочу сразу предупредить: согласишься, обратного пути не будет.

– Нет, – коротко-обреченно перебил его Донкович.

– Хорошо подумал?

– И думать нечего.

– Будешь гнить здесь?

– Догнию как-нибудь.

– Ты еще даже на очистных не бывал. Я не говорю про отряды. Вот где страх.

– Перебедуем.

От мирной беседы ничего не осталось. Короткие резкие фразы встречались в воздухе как клинки. Того и гляди, искры посыплются. Консенсус не случился. И никогда не случится. Илья это понял. Понял и г-н Алмазов, но молча удалиться не смог. Напоследок оставил, как шлейф вонючего дыма:

– Побарахтайтесь, Илья Николаевич. Думаю, сами придете и сами попроситесь. Не обесудьте, в другой раз условия будут предложены более скромные, – и уже выходя – тем, кто стоял за дверью:

– Гоните в три шеи!

А г-н Донкович лежал и, как всегда в таких случаях, искренне сожалел, что в очередной раз не смог прогнуться, лизнуть, подладиться, да просто схитрить. И никогда, наверное, не сможет. На том свете так жил и на этом придется.

Ивашка не вошел – ворвался:

– Вставай, тля позорная! Че разлегся?! – незаряженная чушка нервно плясала в руке.

Донкович, преодолевая слабость, пополз с топчана. Тут-то ему и помогли: пинком, тычком; и за руку, чтобы куртка по швам. И вдогон... нет сначала – в торец. У, паскуда! Встать он не может. И все же – вдогон, пинком в задницу, чтобы летел через порог башкой об стену. Ивашка весь кипел и булькал. Иосафат, правда, малость осадил:

– Полегче, полегче. Неровен час, покалечишь.

Ивашка развернулся к трибунальщику. Во разошелся: рожа красная, рот раззявлен, глаза навыкат. Не появись вовремя Горимысл, глядишь, и Иосафату прилетело бы. Жалеть потом Ивашке – не пережалеть. Однако вслед и заступник обрисовался – Лаврентий Палыч собственной персоной. Сия персона притиснулась в коридоре к стеночке, поскольку вчетвером им на узком пространстве было не развернуться, да еще Илья лежал наискосок.

Ивашка напоследок, выбрасывая остальные вихри ярости, скакнул без разбега, намереваясь прийти, на распростертое по полу тело. В порыве боевого безумия вретухай, однако, не заметил, выставленный Горимыслом кулак. Грохоту было!

Илья поднимался медленно. Сначала на четвереньки, потом на колени, потом, опираясь рукой о стену, на трясущиеся ноги. Встал. Шатало и гнуло, но держался. Шаг, еще шаг... не дождетесь, гады. Шаг... так и побрел в сторону выхода под скороговорку Иосафата, повизгивания Лаврюшки и молчание Горимысла, открыл дверь и вывалился в знобкий полдень.

Оказывается – осень. Едва ощутимый ветерок с привкусом гниющих водорослей прошелся по разбитому лицу. Илья посмотрел на свои руки. Пальцы двоились. Стараясь не промахнуться, вытер кровь с подбородка. Разъярившийся вертухай все же основательно зацепил. Два зуба шатались. Из разбитой десны бежала кровь. Губы как оладьи. В голове шумело и бухало. Илья посмотрел по сторонам: может, во вне? Ничего подобного – сотрясение, мать его! Надо бы отлежаться. Только, где? Разве, дотянуть до старого римского колодца и прилечь на теплые плиты, якобы только проявился. Набегут, поднимут, поведут; карантин, спрос... от штрафа до развоплощения.

Его окружали те же, что и в день проявления дома, под ноги стелилась та же мостовая. Теперь он знал, все это сложили ДРУГИЕ. Так тут выражались. Другие – те, кто жил на берегу моря до новопоселенцев. Они воздвигли стену. Они, наверное, приручали гигантских черепах. А как же сигнальные ракеты? Не было их! Так проще. Вполне, кстати, возможно, свечение над краем стены было галлюцинацией, следствием многодневной интоксикации.

Надо бы встать, но сил не доставало. Так и сидел на ступеньках. Мимо скользили редкие прохожие. На избитого человека внимания никто не обращал. За дверью, которую Илья подпирал спиной, пробухали шаги, но не дошли, потоптались, отдалились. Если его обнаружат на

ступеньках – погонят, а еще вернее, спустят на него своего пса Ивашку. Тот довершит. Тому только дорваться.

Илью обуял страх. От самого проявления и до сих пор он держался относительно спокойно, философски рассматривая ситуацию: ну, занесла судьба черте куда, ну, поставила в невозможные условия. Главное, не терять надежды и чувства собственного достоинства. Сейчас забоялось битое тело. В глубине предательски дергало: вернуться, доползти до господина, упротить, увалиться в ногах. Пусть даже условия окажутся не так хороши. Это будут хоть какие-то условия, а не пустота чуждого, не пустая, насквозь враждебная улица, равнодушно пропустившая массы. Пропустит и его. Пропустит, перемелет, а остатки выплюнет в грязный канал, кишачий монстрами, чтобы доели то, что не доела цивилизация.

Собственно, за тем и вышибали на улицу полуживого и напуганного. Тут как раз и дойдет. На то господин Алмазов и рассчитывал. Расчеты оправдались. Раскисли вы, Илья Николаевич. И если прикажет г-н Алмазов пришить голову Мураша к телу каракатицы – пойдете и сделаете. Как, оказывается, все просто!

Рядом остановился человек. К ногам Ильи упала тень.

– Во, как оно повернулось, – задумчиво проговорил Мураш.

– Ага, – подтвердил Илья.

– Теперь куда?

– Не знаю.

– Пошли ко мне. До вечера пересидишь, а там видно будет.

– Не пойду.

– Почему?

– Узнают, по тебе отлетит.

– За меня не бойся. Ничего мне не сделают. Где они другого стража возьмут, за проявленцами бегать? Постращают маленько и опять к камню пошлют.

Что значит – прочная позиция. Примерно также рассуждал сам Илья в той, другой жизни. Где они возьмут другого такого хирурга, чтобы на все руки за ту же зарплату? И резал правду-матку, не опасаясь последствий. Сходило, под зубовой скрежет обличенных.

Он уже начал подниматься, когда за спиной отворилась дверь, и на порог вальяжной походочкой вывалил Иван.

– О, Мурашка прибежал. Здорово, братан.

– Гад ползучий тебе братан, а и он погнушается.

– Не гони волну! Слышь, тебе велено передать, если вот этого, – Ивашка замахнулся на Илью, тот вскочил. – О, какой пряткий стал. Так вот, если ты его пригреешь, жену твою отдельную у тебя заберут. Господин Алмазов так и сказал: если Илюшка у тебя хоть ночь переночует, хромоножка твоя обратно в бордель пойдет. Отвыкла уже, поди? Ниче. Ха-ха. Обратно привыкнет.

Илья не уловил движения. Кто бы мог предположить, что квадратный Мураш способен на такой стремительный бросок. Не успев договорить и досмеяться, вертухай скорчился на брусчатке. Железные пальцы «байкера» со сноровкой, приобретенной, должно быть, еще в девятом веке, выламывали ему руку. Боль была такая, что Ивашка даже не орал. Это когда вся жизнь, все силы уходят в одну точку, где вот-вот лопнет, разорвется, рассядется прореха – жизнь-не-жизнь.

Уломал-таки его Мураш. И до смерти бы выкрутил, но Илья кулем повис на карающей деснице. Мураш не сразу отпустил, помотал кудлатой головой, бешено глянул на помеху, потом под ноги; не удержался, и с размаху добавил Ивану под ребра, так что хрустнуло.

– Пошли!

Илья стоял столбом.

– Пошли, кому велю! – в глазах стражника метались красные сполохи. Илья счел за лучшее, подчиниться. По дороге Мураш остынет и услышит-таки, обращенное слово.

Но до самого дома, который стоял на границе обитаемых кварталов, тот глухо молчал. У двери он достал из кармана огромный кованый ключ, повернул несколько раз в замке, потом подsunул палец под край двери и что-то потянул. Только после этого створка отошла.

– Заходи, – коротко бросил хозяин. Илья не стал заставлять себя ждать, прошел в коридор и тут же окунулся в домашние, такие странные в этом выморочном городе запахи – хлеб, сухое дерево, густой травяной дух, вода и еще нечто тонкое, неуловимое, сообщающее о присутствии в доме женщины.

Она стояла на порожке комнаты. Свет из узкого, забранного частой решеткой оконца обрисовал кособокую фигурку. Лицо тонкое, очень белое, легкое, легкое. Она напоминала сломанную китайскую статуэтку, которая останется драгоценностью, несмотря на повреждение.

– Жена моя, Ивка, – толкнул в спину голос Мураша.

Женщина посторонилась, пропуская Илью, а он так засмотрелся, что споткнулся о порожек. Во всю ширину, беленой стены, развернулась фантазмагория. Из невысказанных цветов высывались звериные морды. Нежное очертание бутона при смене ракурса оборачивалось оскаленной пастью. Изломанные руки росли как трава. А в самом низу, изощренным орнаментом – вереница женщин. В середине шеренги трепетал клубок щупальцев. С одной стороны женщины втягивались в сплетение, с другой выходили. На лицах – смертная мука.

Ивка подошла, осторожно тронула за рукав. Потрясенный Илья оглянулся на маленькую немую женщину. Она протянула тонкую, почти прозрачную руку и указала на жуткий орнамент из тел, повела в воздухе руками, сделала несколько неровных шагов. Илья не сразу понял, что перед ним твориться пантомима: проявление, первый страх, паника, робость, возмущение, даже ярость и, наконец, надежда. Потом происходит нечто. Лицо Ивки исказила гримаса боли. Дальше она пошла, подняв пустые, обреченные глаза и хватаясь руками за живот в едином для женщин всех миров жесте.

За спиной Ильи раздался шорох. Ивка глянула в ту сторону и мгновенно прекратила свой рассказ, вновь превратившись в надломленную статуэтку. Больше она ничего не показала, виновато улыбнулась и ушла на кухню.

В дверях стоял Мураш. Лицо такое – у гостя ком стал в горле. Мураш, однако, сморгнул и быстро нагнал на себя привычное, туповатое выражение.

– Сколько раз забелить эту стенку собирался. Не дает. А сама засмотрится и – в слезы. Я и в комнату-то эту не хожу. Гляну, самого корезить начинает.

– Где все это происходит?

– В голове у нее, – отмахнулся Мураш. – Где еще. И не спросишь, ведь.

Ивка вышла из кухни, махнула им рукой.

– Есть пошли, – уже совсем спокойно пробасил хозяин.

Вместо привычной каши со щупальцами, их ждала миска зеленого студенистого варева. Одурающе пахло грибами. Была и каша, но не надоевший до тошноты рис, а некий аналог проса. По поверхности дымящейся горки расплывался желтый масляный кусочек.

– Ешь, давай. Чего набычился? – подбодрил Мураш. – У нас без отравы.

Ивка сидела напротив, с улыбкой наблюдая, как едят мужчины. Трапеза несколько затянулась. Илья уже третий раз доскребал свою миску. Будто сто лет не ел.

– Три ж дни пролежал, – пояснил Мураш.

После еды слегка поплыла голова. Но Донкович решительно поднялся из-за стола. Поклонился Ивке. Та хихикнула, прикрыв лицо ладонью, потом, стремительно обернувшись, достала с грубого комодика его блокнот. Чистых листочков там оставалось еще достаточно. Она прижала его к себе как ребенка, даже побаюкала. По лицу Мураша, как давеча промелькнуло затравленное выражение.

Илья все понимал, а по тому не хотел задерживаться в этом, таком надежном и одновременно ненадежном доме дольше необходимого. Уже в коридоре, в потемках, ожидая пока хозяин отопрет тяжелый притвор, он тихо, будто Ивка могла услышать, проговорил:

– Красивая у тебя жена.

Мураш бросил свое занятие, обернулся к Илье и прохрипел:

– В самое больное место они меня бьют. Не могу я ее отдать. От нее ж в три дни ничего не останется. По кускам разнесут. Трехглавый...

– И не надо отдавать. Мне все равно не отсидеться. Захотят, со дна реки достанут. А ее жаль. Кто такой трехглавый?

– Алмазов.

О трех головах в славянской мифологии, помнится, гулял владыка подземного царства. На него г-н Алмазов, хоть убей, не тянул. Мелковат был для темного символа. Скорее – пристебай у трона.

Последний праздный в общем-то вопрос сам вылез на язык:

– Мураш, что за стеной?

– Известно, что – море.

– Люди там.

– Знаю.

– Сам не бывал?

– Оттуда не возвращаются. У моря, говорят, весь берег гадами кишит. Если кто и проявился по ту сторону, уже съели, должно.

Вполне, кстати, приемлемое объяснение. Если человек проявился, имея в руках ракетницу, что он станет делать в незнакомом, опасном месте, да еще под стеной, за которой вполне возможно, живут люди? Естественно, попытается привлечь к себе внимание. И все! Остальное – фантазии, дело наркотика, которым Илью травили. Глюки. Сомнения, конечно остались. Только сейчас он мог засунуть их себе в неудобь сказуемое место и там забыть. Живым бы остаться.

Напоследок Мураш протянул ему маленький, старомодный кошель, затянутый веревочкой.

– Возьми. У тебя ж ничего нет. Так хоть несколько дней продержишься. А там и работа какая-никакая приспеет. Схоронись пока, хоть, вон в тех домах, – он махнул в сторону черных, нежилых кварталов. – Никто за тобой туда не потащится.

Надежда, что его оставят в покое, оказалась тщетной. За поворотом улицы, на углу, топтался, поигрывая кистенем, Ивашка. Похожая на детскую игрушку гирька, вылетала из рукава и пряталась обратно. На вид – легкий безобидный шарик. Однако эта милая игрушка легко могла вынести мозги. Встал тоже грамотно, в тени. Мураш опасности не заметил, простился с гостем и запер дверь, оставив Илью один на один с ледащим психопатом.

Ладно, хоть не шатало, но усталость, утомительное желание лечь и не двигаться, еще сохранялись. Одно он знал твердо – назад не повернет, не поставит под удар хрупкую женщину. Да и что толку возвращаться? Его рано или поздно вышелушат из Мурашова дома, как рака из панциря, а надломленную фарфоровую статуэтку тогда уже доломают в пыль.

Пошел. Колени предательски подрагивали. В мышцах угнездилась ватная мягкость. Слушай, убежать – не сможет. На подгибающихся ногах далеко не ускачешь. Ивашка приближался. Гирька в очередной раз ускочила в рукав. Какой все же добрый человек Иосафат Петрович! Свое тайное оружие для дела не пожалел. Или Ивашка сам сообразил? Уже не важно. Вертухай раскорякой двинулся на Илью.

– Свиделись. От, радость-то. Ну, иди сюда, тля. Ща я с тобой без посторонних поговорю.

Илья остановился. От позорного страха самому стало так противно, что накатила злость. Не она, так и не заметил бы круглого камня, как раз по руке, что вывалился из кладки и мирно

лежал у стены. Не размышляя, Илья подхватил его и без замаха пустил в лоб Ивашу. Парень начал заваливаться в бок. Он мягко и, почему-то очень долго падал, пока голова не бумкнула о брусчатку, чтобы уже не подняться.

Мгновенно вернулся страх. Убил? Илья подошел, наклонился, пощупал пульс. Ни черта ему не сделалось. Тут, как в старом анекдоте: были бы мозги – вылетели бы на хрен. Отлежится, еще злобы нагуляет и опять пойдет ловить незадачливого дохтура.

Мешкать возле поверженного противника Донкович не стал, развернулся и побежал в сторону темных каменных коробок. Как ни противилось все внутри при мысли, что в одном из этих домов-гробов придется провести ночь, решил перетерпеть.

Дальше, дальше. Пока что ни один из домов Илью не устраивал. Там еще было слишком близко от людей, здесь – стены зияли отвратительными провалами, похожими на глазницы черепа. У следующего – завален вход, а подтянувшись на руках, лезть через окно Илья не мог. Мелькнула горбатенькая площадь со старым римским колодцем. Стражник мирно дремал, прикорнув у плиты. Илья на цыпочках проскочил переулок и перешел на шаг. Бегать, не осталось сил.

Пыльная коленчатая, заваленная камням улица-коридор вывела его к перекрестку на невысоком холме. Сбегая с него, переулки уходили в песчаные заносы. Город кончался. Потоптавшись на открытом пяточке, Илья двинулся вниз. Он начал понимать, почему жители не любят эти кварталы. Здесь было ПЛОХО. Проходя очередной дом, Донкович не мог себя заставить, свернуть в, зияющий тьмой, провал двери. Казалось, там притаилась прожорливая утроба, которая проглотит и переварит неосторожного путника без остатка.

Тишина кончилась. Из-за домов сначала прилетел свист, потом покрики, гвалт, команды, мат. Слух даже вычленил визгливый голос Лаврюшки.

Охота?

Охота!

Думать, взвешивать и бояться стало некогда. Чтобы не оставлять следов, Илья перепрыгнул с брусчатки на порожек предпоследнего дома. Оттуда – на ступеньку, ведущую в пыльную темноту. Пока глаза видели, шел осторожно, стараясь не наследить. Когда мрак стал непроглядным, ступал уже как придется. Если они с факелами – все бесполезно.

Лестница вывела на второй этаж в гулкое помещение. Илья пробирался, каждую минуту рискуя споткнуться либо вовсе улететь сквозь пролом вниз.

Шелестел мусор. Ветром нанесло листья, она высохла и трещала под подошвами. По углам трещало эхо. Превозмогая острое желание выбежать вон, Илья на ощупь двинулся к ближайшей переборке, нашел шероховатую, щелястую поверхность и по ней сполз на пол. Теперь – сидеть и не шевелиться, замереть, чтобы ни птаха, ни муха...

На какое-то время действительно наступила тишина, но потом, затерявшиеся в ночи, голоса придвинулись. Скользили отблески факелов. По нервам прошли растяжной тенорок Ивашки – быстро оклемался вертухай – и подвизги Хвостова.

Вначале Илья не разобрался в несоответствии, но потом сообразил: свет метался на площади, а голоса рядом, будто за переборкой. Выглянуть? Ну, уж нет! Будет сидеть тут как мышь под метлой.

Темнота за стенкой провещала голосом Лаврентия Павловича:

– По домам пройтись надо.

– Точно, в доме где-то затаился, – подтвердил Иван.

– Неа, – одышливо, заспорил кто-то из своры. – Не ползет туда никто. И я не полезу.

– Я приказываю! – крикнул Лаврюшка.

– Сам туда иди, – ответили ему без всякого почтения.

– За неподчинение приказам...

– А ты пример покажи, сударь мой.

– Иван!

– Чего, Лаврентий Палыч?

– Пойдешь первым. Приказываю, начать прочесывание квартала.

На некоторое время повисла тишина, потом забубнили голоса, потом – возня. И уже после – короткий вой и, быстро удаляющиеся шаги.

– Нет!!! Не могу-у-у!

Илья его понимал. От ознобного азарта погони, от обрывков разговоров, от собственного запаленного дыхания, от страха его корежило и гнуло. Сейчас все кончится! Он выскочит из проклятого дома и кинется к людям. Они, разумеется, только того и ждут, но ведь люди же.

Гладкое, симпатичное, слегка восточное лицо улыбнулось полными губами. Учаливый голос с легкой официозной ноткой спросил:

– Вы нарушали? А? Нет, ну хоть раз нарушали?

– Я – крыса, – прошептал Илья. – Загнанная в угол, избитая, затравленная крыса.

Проговорил и испугался еще больше, вдруг на крохотной площади, где сгрудились преследователи, его слова отдадутся громовым раскатом? Так и застыл, уткнув голову в колени. Чтобы больше ни-ни. И выдержать. Выдержать! Все силы собрать и усидеть на месте. Пусть там внизу ищут и прочесывают, он будет неподвижен как камень, срастется с камнем.

Сколько просидел в такой позе, Илья потом не помнил. Он оцепенел, впал в состояние близкое к коме. Видимо, это и спасло от буйного всплеска эмоций, или вообще от помешательства.

Когда его вывело из сомнамбулического состояния шевеление в углу, на улице стояла мертвая тишина. И темнота такая, сколько ни тарачи глаза, кроме радужных кругов ничего не увидишь.

Страхи нахлынули с такой силой, что на месте не удержал бы даже полк вооруженных загонщиков. Завывая тоненько, как подбитый заяц, Илья бросился к выходу, кубарем скатился с лестницы, и, не обращая внимания на боль в разбитых коленях, вылетел на улицу, на перекресток и дальше, дальше к населенным местам.

Что за ним гонятся, он понял только, когда проскочил старый римский колодец. Стражник спросонок сам больше напугался и, не помышляя о преследовании, схоронился за край мраморной плиты. Легкий топот за спиной настиг позже. И хотя сил совсем не оставалось, Илья надал еще. Так бы, наверное, и выскочил на центральную площадь, помешало каменное корыто, раскорячившееся посреди перекрестка. По ночной поре лохань не эксплуатировалось, стояла себе, мирно поблескивая водой.

Илья налетел на бортик всей грудью, охнул и зашелся в спазмах. Так скрутило, что упал на брусчатку и покатился извиваясь. Даже сознание на миг заволокло. Очнулся он в некотором отдалении от скотопойлки. Рядом кто-то хрипел, тоже загнанный сумасшедшим бегом.

Того страха, что погнал из нехорошего дома, уже не осталось. Илья прислушался. Рядом сидела, вывалив язык и часто, часто дыша, небольшая собачонка. Она не пыталась укусить, не изображала волкодава на задержании. Она, как и он, только что спаслась!

От протянутой руки зверушка шарахнулась, но не убежала. Сил нет, проникся пониманием Илья. У него тоже не было, при чем на столько, что он за благо почел, растянуться на обкатанных камнях брусчатки и замереть. Собачка тоже прилегла, начала успокаиваться. Илья осторожно провел пальцами по клочковатой шерсти. Под ней была тонкая кожа, обтянувшая ребра. На ощупь – лохматый скелет. Не повезло бедолаге, попасть в проявление. Животинки вроде нее чувствительнее людей. Им понимания не достаёт, зато хватает интуиции и инстинктов. Если здравомыслящий человек, попав в незнакомый мир, себя в конце концов как-то уговорит. Ей такого не дано – только привыкнуть, и научиться жить заново. Зверушка совсем успокоилась. На перекрестке воцарилась полная тишина.

Ладони лежали на камнях, но не только ими, всем телом Илья ощутил далекий гул. Что значит, глубокая ночь. Днем нипочем бы не уловить едва ощутимые, ритмичные колебания. Короче, где-то работал механизм.

Там, все же, цивилизация, а здесь, все же, инсценировка?

Так бы и маялся до утра, но к далекому эфемерному гулу прибавились натуральные, реальнее некуда, шаги. К перекрестку шли люди.

Собачка вскочила первой, но не кинулась наутек, наоборот – прижалась к ногам и затряслась. Илью тоже колотило. Погоня, мать ее... только-только начал приходить в себя – валят!

Не дожидаясь загонщиков, он встал сначала на четвереньки, потом на трясущиеся ноги. Осмотреться – зряшная затея. Ночь-с. Темень-с. Кое-как сориентировавшись, Илья на цыпочках двинулся в непроглядный мрак узких переулков. Голоса и топот свернули в другую сторону.

Держась одной рукой за стену, и стараясь поменьше спотыкаться, он шел по лабиринту улочек и тупиков. На некоторых перекрестках стояли корыта с водой. И ни одной живой души. Что оказалось не так уж хорошо. Расспросить бы дорогу до гостиницы. Хотя, кто знает, есть ли таковая в городе Дите? Исходя из простой человеческой логики – должна быть. Жаль, с логикой в здешних краях напряженка. Ну, допустим, есть постоялый двор. Его там, как пить дать, ждут. Ребята закусывают, г-н Хвостов ручонки потирает, кривыми пальцами щелкает.

Илья кое-как брел, спотыкаясь на каждом шагу. Он забрался на один из приречных холмов. Недалеко шумела вода. Оттуда тянуло сыростью.

Окончательно выбившись из сил, он присел на порог ближайшего дома. Собака свернулась рядом, прижалась к ноге. Ишь, нашла родственную душу. Илья откинулся спиной на дверь и замер. Но стоило чуть расслабиться, вновь напомнил о себе гул. Только теперь источник находился совсем рядом, и гудение ни коим образом не походило на размеренную работу механизма. Нечто хаотично ухало и сотрясалось в непосредственной близости под ногами.

Удрать? Он не шелохнулся. Набегались уже, Илья Николаевич. Пошевелиться, и то сил нет. Сиди и слушай.

Ночь пробирала сыростью, под ногами тряслась лохматая проявленка, а г-н Донкович, вдруг сообразил, что рядом – руку протянуть – гуляли, то есть орали, пели и плясали.

И пошел он на шум как по пеленгу. Спустился с возвышенности, – Рим, мать его! – поплутал переулками, запнувшись растянулся пару раз, чтобы в конце концов оказаться у, глубоко утопленной в тротуар, ниши. Тонкие полоски света обрамляли дверь и слегка подсвечивали три, ведущие вниз, ступеньки. Илья топтался на месте, не решаясь вломиться в чужое гульбище. Ну, вошел он, поклонился: пустите, люди добрые. А ему навстречу Лавр Палыч суставами пощелкивает: иди сюда, голубь, мы только тебя и ждали. Нет, нельзя туда соваться. Илья заметался взглядом по черным каменным коробкам: где бы затаиться. Облом. Эта дверь оказалась единственной. Окна по второму этажу прикрывали частые решетки.

Так бы и стоял до утра, да распахнулась дверь. На порожек пролился тусклый дымный свет. В проеме кривилась, заваливаясь набок, коренастая фигура. Голоса стали громче. Там пели.

Собака метнулась в темноту. Илья едва различил ее силуэт у основания стены. Сам он не успел и теперь стоял, как мышь на блюде. Прятаться было поздно. Однако кривой человек не кинулся его ловить. Па, выделяемые в неудобном для маневра дверном проеме, говорили скорее о пьяном недоумении. Наконец немая сцена разрешилась краткой, хриплой тирадой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.